

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО
ПРИКЛАДНОЙ
И НЕОТЛОЖНОЙ
ЭТНОЛОГИИ**

№ 90

Ю.Г.КУЛЬЧИК

**РЕСПУБЛИКА УЗБЕКИСТАН
в середине 90-х годов**

Москва
1995

Документ № 90

Ю.Г.Кульчик

**Республика Узбекистан
в середине 90-х годов**

Работа выполнена в рамках проекта
"Conflict and Central Asia",
осуществляемого
Центром пост-советских исследований (США)
/The Center for Post-soviet Studies (US)/
и Московским отделением Российского научного фонда

Москва 1995

© Серия "Исследования по прикладной и неотложной этнологии"
Института этнологии и антропологии РАН. Документ N 90.

Материалы серии отражают точку зрения авторов и
не являются официальной позицией Института.

При использовании ссылка на материалы
обязательна.

Редакционная группа:

В.А.Тишков (отв.ред.)
Н.А.Лопуленко
М.Ю.Мартынова
Д.А.Функ

По вопросам приобретения материалов обращаться
по адресу: 117334, Москва, Ленинский проспект,
д.32а.

Институт этнологии и антропологии РАН
тел. 938-00-19, 938-07-12

КУЛЬЧИК Юрий Генрихович

Министерство РФ по делам национальностей
и региональной политики

РЕСПУБЛИКА УЗБЕКИСТАН В СЕРЕДИНЕ 90-х ГОДОВ

YU. G. KUL'CHIK

The Republic of Uzbekistan in the middle of 1990-s.

The demographic situation, social and economic problems of the new state - the Republic of Uzbekistan - are analyzed. The author analyses also the political development of the republic, nation-political and ethno-social peculiarities of the modern life of the Republic. Special attention is paid to the characterization of the "Islamic factor".

Республика Узбекистан по своему экономическому и демографическому потенциалу является ключевым звеном всей системы жизни среднеазиатского региона. От положения в этой стране, во многом будет зависеть облик Средней Азии на историческую перспективу. Здесь мы постараемся представить наиболее острые проблемы республики.

Промышленный потенциал и тенденции его развития

Недра Узбекистана располагают значительными запасами мине-

рально-сырьевых ресурсов. К настоящему времени выявлено 95 видов минерального сырья, сосредоточенных в 750 месторождениях. Ныне действуют 370 горных промыслов с объемом добычи более 200 млн.т. минерального сырья в год. В республике имеются газ, нефть, уголь, золото, уран и другие полезные ископаемые. Запасы природных горючих газов Узбекистана составляют 1842,08 млрд.куб.м по разрабатываемым и 116,41 млрд.куб.м по неразрабатываемым месторождениям, в том числе запасы растворенного газа, учтенные по 35 месторождениям, - 17 млрд. куб.м. На долю республики приходится почти 74% запасов

газового конденсата всего центрально-азиатского региона, 40% природного газа. По добыче природного газа республика занимает третье место в СНГ и входит в десятку крупнейших газодобывающих стран мира. Основные запасы газа сосредоточены на месторождениях Шуртан, Зеварды, Кокдумалак, Алан и Адамташ.

Узбекистан занимает второе место в регионе по запасам и по добыче нефти, уступая первенство Туркмении. В 140 месторождениях, по оценкам экспертов, содержится 350 млн.т нефти (34% запасов региона). При сохранении уровней добычи начала девяностых годов обеспеченность республики запасами составляет 80 - 100 лет (для сравнения, обеспеченность запасами в Туркмении всего 48 лет). Нефтяные месторождения разведаны в Каракалпакской автономной республике, Бухарской, Кашкадарьинской, Сурхандарьинской, Наманганской, Андижанской и Ферганской областях. 73% запасов нефти концентрируются в Кашкадарьинской области.

Большие ожидания вызвало в республике открытие весной 1992 года новых нефтяных пластов в Наманганской области (Минбулакское месторождение). Однако скоро выяснилось, что "нефтяного Эльдорадо" не будет. Здесь следует обратить внимание на одну деталь: в течение апреля-мая 1992 года тон прессы, заявления отдельных политических деятелей обрели жесткий по отношению к России характер. Потом "вдруг" все это исчезло. Перипетии с минбулакской нефтью показали реальную энергетическую зависимость Узбекистана. Окажись залежи дос-

таточными хотя бы для покрытия внутренних потребностей республики, политическая дистанция между Россией и Узбекистаном была бы, на наш взгляд, существенно увеличена.

Залежи угля (Ангренское месторождение бурого угля в Ташкентской области, Шаргуньское и Байсунское в Сурхандарьинской области) оцениваются более чем в два млрд.т (55% запасов региона), причем добыча большей частью производится открытым способом. Совокупные запасы золота превышают четыре тыс.т (пятое место в мире, выявлено 30 месторождений). Добывается его около 60 т в год (седьмое место в мире). Долгое время для Узбекистана проблемой номер один была промышленная переработка золота, так как все аффинажные предприятия Союза действовали за пределами Узбекистана. В 1993 году на Алмалыкском горно-металлургическом комбинате начало работать первое аффинажное предприятие. Качество узбекского золота соответствует мировым стандартам. В республике имеется 30 месторождений урана. Первоначально Навоийский горно-металлургический комбинат создавался исключительно как урановый, ориентированный на нужды военно-промышленного комплекса. В 1965 году построили другой центр комбината - Зарафшан. Производительность комбината составляла в начале девяностых годов около 3000 тонн урана в год. В Узбекистане значительны запасы платины, серебра, меди, молибдена, свинца, цинка, вольфрама, лития, редкоземельных металлов (индий, цезий и др.). Про-

мышленных месторождений железа в республике нет.

Как видим, Узбекистан богат природными ископаемыми. Однако период эйфории, начавшийся еще в годы перестройки, видимо, подошел к концу. Уже сегодня многим ясно, что открытые запасы нефти, газа и др. будет не так легко разработать в ближайшей исторической перспективе. Для этого нет ни средств, ни людских ресурсов (именно этим можно объяснить, к примеру, свертывание изыскательских работ). С другой стороны, попытки Узбекистана выйти на мировой рынок со своим золотом, алмазами, ураном не привели к серьезным результатам. Иными словами, Узбекистан при всем своем природном богатстве не в состоянии пока использовать его в полной мере.

Энергетическая проблема является "ахиллесовой пятой" экономики Узбекистана. Электроэнергетика представлена теплоэлектростанциями (Сыр-дарьинской, Ташкентской, Навоийской, Ангренской, Новоангренской, Тахиаташской), работающими на природном газе и угле, и гидроэлектростанциями (19 станциями каскада ГЭС на реке Чирчик, Чарвакской, Ходжикентской). При имеющихся на территории республики залежах нефти и газа реальных, необходимых энергоносителей явно недостаточно, они в основном поставляются в Узбекистан из других республик СНГ, прежде всего из России, что также сильно привязывает узбекскую экономику к российской.

Из машиностроительных предприятий в первую очередь следует отметить Производственное Объединение им.Чкалова, производя-

щее военно-транспортные и гражданские самолеты. Головной завод находится в Ташкенте, а его филиалы - в Фергане и Андижане. Предприятие переживает трудности, причем не только из-за разрыва отлаженных связей с другими звеньями авиастроительного комплекса бывшего Союза. На его работе (особенно в филиалах) сказывается отъезд квалифицированных русскоязычных кадров. Вместе с тем, несмотря на трудности, предприятие, ранее занимавшееся лишь сборкой самолетов из готовых узлов, которые поставлялись из других республик СССР, с 1993 года перешло на самостоятельный выпуск ряда узлов. На Ташкентском тракторном заводе из-за сложностей с партнерами в других республиках мощности сейчас загружены лишь на треть. Завод сельскохозяйственного машиностроения в Ташкенте производит хлопкоуборочные комбайны.

В Узбекистане, и прежде всего в Ташкенте, функционирует ряд предприятий ВПК. Это упомянутое ПО им. Чкалова, предприятия, производящие электронику - "Фотон", "Спут-ник", "Миконд", выпускающие резисторы, интегральные схемы, специальные материалы и полуфабрикаты; "Зенит", специализирующийся на интегральных схемах и радиоаппаратуре; завод электронной техники, отчасти - Ташкентский завод радиоэлектронной аппаратуры и Ташкентский завод электронных вычислительных машин "Алгоритм". Ташкентский электромеханический завод специализируется на производстве автоматизированных систем управления и средств связи. К числу крупных предприятий хими-

ческой промышленности относятся Чирчикский и Навоийский электрохимкомбинаты, Ферганский завод азотных удобрений, Ташкентский завод синтетических моющих средств, Наманганский химический завод, Андижанский и Ферганский гидролизные заводы, пластмассовые заводы в Ташкенте и Джизаке, Ташкентский химико-фармацевтический завод. Легкая промышленность представлена Ташкентским и Ферганским текстильными комбинатами, Бухарским хлопчатобумажным комбинатом, рядом мелких предприятий.

Значительные изменения претерпела за последние год-полтора структура импорта республики: удельный вес импорта машин и оборудования увеличился по сравнению с 1993 годом почти в два раза и составил более 29% от общего объема импортных поступлений. Это свидетельствует о том, что предпринимаются попытки модернизировать всю промышленную инфраструктуру.

Аграрный сектор экономики

Экономические аспекты

Землепользование в Узбекистане издревле было parcelлярным. Сельское население обрабатывало отдельные участки земли, рассматривая их как личную собственность, платило подати и находилось в полной зависимости от владельца воды. Государство осуществляло контроль над ирригационной системой и связанными с ней коллективными общественными работами. Parcelлярное землепользование привело к формированию в XVII - начале

XVIII вв. товарного хозяйства. С присоединением Туркестана к России российский капитал стал использовать в своих интересах товарный характер местного сельского хозяйства. Банки ввели задаточную систему, которая позднее была доработана и превращена в гибкую систему авансирования. Под будущий урожай банки выделяли кредиты, подвозили хлеб, мануфактуру, необходимые предметы дехканского хозяйства. Давая крестьянам денежные ссуды, русская буржуазия определяла характер их хозяйственной деятельности - ей нужен был хлопок. Перед Октябрьской революцией хлопководство в Средней Азии сложилось в отрасль, занимавшую доминирующие позиции.

С 30-х годов советская власть методами командно-административного регулирования стала превращать хлопок в Узбекистане в безраздельно господствующую монокультуру. С одной стороны, этим был достигнут целый ряд позитивных результатов. Благодаря многомиллиардным инвестициям (только в 1980-1990 гг. в сельское хозяйство Узбекистана было вложено около 25 миллиардов рублей; насыщенность производственными фондами возросла более чем в два раза), республика обзавелась крупнейшим в бывшем СССР поливным земледелием, превратилась в одного из значительных мировых производителей хлопка.

Однако наряду с этим, республика получила деформированную структуру сельского хозяйства. Хлопчатник буквально оккупировал лучшие поливные земли (до 90 и более процентов имеющихся пло-

щадей) и вытеснил многие другие сельскохозяйственные культуры. Отсюда проистекает относительная продуктовая зависимость республики. Она продолжает остро нуждаться в импорте зерна, зернопродуктов, мяса. Среднегодовой завоз мяса и мясопродуктов составляет 100-120 тыс. т, молока и молокопродуктов - 500-600 тыс.т, зерна - минимум 2,5 млн. т. Всего Узбекистан ввозит 80% потребляемого в республике зерна, 55% мяса и масла, 100% сахара. Следует отметить, что в 1994 году Узбекистану удалось значительно сократить импорт продовольствия - с 62,4% в 1993 г. до 49,1% в совокупном импорте. Без радикальных изменений структуры организации сельскохозяйственного производства, перепрофилирования посевных площадей нельзя будет обеспечить стабильное, адекватное нуждам населения республики развитие сельского хозяйства.

Авансируя узбекских дехкан деньгами и товарами под будущие урожаи хлопка, русский капитализм пекся прежде всего об интересах своих быстро развивающихся текстильных фабрик, рассматривая Узбекистан исключительно как поставщика сырья. После Октябрьской революции прежнее разделение не только сохранилось, но и получило дальнейшее развитие в рамках внутрисоюзной экономической интеграции. Теперь, с ликвидацией Союза, достижением республикой независимости производство сырья и изготовление из него изделий оказались "разорванными" границами двух государств.

Получив полную свободу принятия решений, а также будучи уже в течение многих десятилетий убеж-

денными в безусловной ценности хлопка, "белого золота", правящие круги Узбекистана поначалу были в состоянии эйфории: России были предложены высокие, близкие к мировым, цены на хлопок. Москва при всей сложности создавшегося положения не пошла на закупки сырья по мировым ценам, сознавая, что качество товара не отвечает этому. Российские текстильные предприятия попали в труднейшее положение: им нужен узбекский хлопок, так как имеющаяся технология сориентирована на обработку именно такого типа сырья. Мощная текстильная промышленность России, прежде всего предприятия города Иваново, производившие еще недавно каждый девятый метр ткани в мире, остановилась. В то же время в Узбекистане образовался явный дисбаланс между накопленными запасами хлопка (в ряде областей Узбекистана еще складировались остатки урожая 1993 года) и тем упорством, которое проявляет узбекское руководство при продаже его России (при этом официально для несведущих пускается в оборот информация, что заключенное весной 1995 года межправительственное соглашение о поставках в Иваново 350 тыс.тонн чуть ли не оставляет сам Узбекистан без хлопка до нового урожая). Узбекистан не идет на уступки, будучи вовлеченным в "игру" более высокого порядка, вероятно, не без воли и поддержки третьих сил: идет фронтальная атака на одну из ведущих промышленных отраслей России. Уже сегодня российские текстильные фабрики, если не стоят полностью, то работают едва ли в четверть своей нагрузки. Их пы-

таются "придавить" сырьевой блокадой.

Обнаружилось, что узбекский хлопок не нашел предполагавшегося спроса в других странах. Он значительно уступает египетскому, бразильскому, индийскому по длине волокна, в целом по качеству, а также по способу упаковки. Кроме того, в мире сохраняются тенденции увеличения спроса на тонковолокнистый хлопок со стороны основных импортеров - Японии, Тайваня, Гонконга, Португалии, Греции, Швейцарии, Германии. В Узбекистане же произошло, наоборот, резкое сокращение посевных площадей именно под тонковолокнистыми сортами: с почти 600 тыс. га в 1989 г. до 90 тыс.га в 1994 г. (уровень 1976 г.). Сегодня ясно, что республике еще только предстоит пробиваться на мировой рынок и что количество хлопка, который может быть затребован, будет меньшим, чем могут выдать ныне имеющиеся в Узбекистане мощности по его производству (примерно 4,5 млн. тонн в год).

Республика в настоящее время являет собой страну, с одной стороны, со сверхориентированной на производство монокультуры хлопчатника, явно не находящей спроса своему основному богатству на мировом рынке; с другой, - не способной за короткий срок перепрофилироваться, поскольку необходимо кардинально реорганизовать значительную часть экономики. Быстрая ломка означала бы экономический спад, утрату валютных поступлений и т.д. Более того, подобный шаг едва ли был бы технически осуществим. Мысль о создании собственной сети текстильных предприятий, безусловно, верна,

однако, сколько таких предприятий и в какой срок можно построить, если Узбекистан, несмотря на громадное количество производимого хлопка, выпускал в начале 90-х годов всего 5,8% союзного объема хлопкобумажных тканей. К тому же, износ имеющихся основных фондов легкой промышленности республики составляет 33%, и она нуждается в техническом перевооружении.

Если рассматривать перспективы развития экономических российско-узбекских отношений под углом зрения изложенных обстоятельств, то необходимо признать, что единственным реальным партнером Узбекистана в его достаточно трудном положении, связанном с реорганизацией всей структуры сельского хозяйства, может быть только Россия. В этом смысле все сегодняшние недопоставки сырья на российские текстильные предприятия - явление временное, узбекскому хлопку пока просто некуда деться. В то же время, строя свои отношения с Узбекистаном по хлопковым поставкам, Россия должна представлять динамику их развития. Он, в отличие от предшествующего исторического периода, будет не увеличивать, а, наоборот, сокращать объем производства хлопка (до 2-2,5 млн. т в год вместо прежних 5 млн. т), пока указанная выше деформация структуры сельского хозяйства республики не будет преодолена, а также пока не будет найден оптимальный показатель реальной потребности узбекского хлопка на мировом рынке.

Мы утверждаем, что сельское хозяйство Узбекистана в ближайшем будущем должно претерпеть

радикальную реформу, что последняя станет одним из ключевых моментов внутренней политики республики. Вместе с тем, необходимо иметь ввиду, что это не только технократическая проблема. Здесь, несомненно, присутствуют социально-политические аспекты, которые имеют первостепенное значение.

Социально-политические аспекты

В Туркестане основной, господствующей формой землевладения в досоветский период была единоличная подворно-наследственная собственность. На одно parcelное хозяйство в начале XX века в среднем приходилось полторы десятины (около 1,5 га). Доля мелких хозяйств в сбыте продукции на рынок составляла 95%. Именно эти хозяйства обеспечивали то процветание, о котором позднее большевики старались даже не упоминать. Экономика земледельческих районов имела ярко выраженный товарный характер. Несмотря на всю демагогию большевиков о передаче земли крестьянам, новая власть никогда не выходила всерьез за рамки программы национализации земельной собственности, провозглашения государства собственником земли. Дехканам предлагалось лишь развивать свою трудовую деятельность на выделенных ему властью участках. Казалось бы, все шло в рамках "восточной традиции". Однако в декретах "О национализации земли и воды" и "О земельно-водной реформе" закрепление земли за крестьянами осуществлялось по строго установленным нормам, которые с каждым годом

лишь сокращались. Дехканин-собственник не упразднялся *per se*, неуклонно уменьшалось лишь пространство для его хозяйственной деятельности.

Сельское хозяйство Узбекистана в течение последних шестидесяти лет обрело ярко выраженную дуалистическую структуру: с одной стороны, колхозы и совхозы, обладающие огромными площадями плодородной и орошаемой земли, ориентированные исключительно (90-95%) на производство монокультуры хлопчатника; с другой, - десятки тысяч дехканских (крестьянских) хозяйств, использующие далеко не всегда плодородную землю, основанные преимущественно на использовании ручного труда, ориентирующиеся на рынок. Последний, негосударственный сектор производит 96% шелковичных коконов, 66% шерсти, 65% молока, 49% мяса, 43% овощей и фруктов, вырабатываемых в республике. Его доля ныне составляет, по официальным данным, свыше 1/4 национального дохода, по некоторым же экспертным оценкам, - более половины.

Если колхозно-совхозный сектор обеспечивает республику валютой, способствуя тем самым реализации различных крупномасштабных проектов, содержит элиту страны и т.д., то именно частный сектор снабжает население продуктами питания. Кризис, переживаемый ныне узбекской деревней, состоит отнюдь не только в том, что колхозно-совхозная форма организации труда крупных хозяйств пришла в упадок, но и в том, что развитие мелкотоварного крестьянского производства уперлось во второй половине 80-х годов в жест-

кие территориальные, правовые, финансовые и т.д. преграды, введенные властями.

События в Фергане, наиболее населенной части Узбекистана, изгнание турок-месхетинцев - это в известной степени реакция тысяч людей на достигшее предела малоземелье, проявление нежелания работать за мизерную плату на хлопковых полях, одним словом, "бунт минифундизма" (следует отметить, что именно так поняли происходящее и власти; они почти немедленно объявили о раздаче земельных участков и благодаря этому достаточно быстро добились умиротворения узбекского населения Ферганской долины). Тогда раздачей земли власти смогли потушить локальный конфликт, угрожавший трансформироваться в региональную междоусобную войну. Конфликт, казалось, был исчерпан, однако глубинные причины, его породившие, остались. Противоречия, связанные с дуализмом экономической структуры сельского хозяйства, продолжают существовать. Они могут еще и усугубиться под воздействием новых обстоятельств.

Люди все больше начинают верить, что государство переходит на рыночные отношения, в их сознании это коррелируется с расширением права на получение земли в личное пользование. Руководство Узбекистана понимает в целом, что увеличение частного сектора в сельском хозяйстве, "взрыв минифундизма" в условиях рыночных отношений - неизбежный процесс. Правительство уже начало действовать. Если в начале 1990 года площадь, занятая частными хозяйствами, составляла 205 тыс. га, в

конце 1992 года превысила 550 тысяч га, то в середине 1993 г. достигла 750 тыс. га. Земельные наделы получили впервые 2,5 млн. семей. Средний размер приусадебных участков в некоторых районах превысил 20 соток. Размеры личных подворий предусматривается расширять и довести их до 0,25 га. Однако сегодня обнаруживается серьезнейшее противоречие в проводимой аграрной реформе. Государство, стремясь остаться верховным собственником большей части земель, отдает частному сектору только излишки, изъятые у крупных совхозов и колхозов, причем отнюдь не самой плодородной земли. Так, вместо 200 тыс. га орошаемых земель, определенных указом президента республики для дехканских хозяйств в 1991 году, было передано по назначению три года спустя лишь 56 тыс. га.

Здесь необходимо отметить, что факт передачи в ведение дехкан земли еще отнюдь не означает развития того, что принято понимать под фермерскими хозяйствами. Принятый в июле 1992 года Верховным Советом Узбекистана закон "О дехканском хозяйстве" не решил вопроса о передаче земли в частную собственность. Дехканские хозяйства создаются на запасах землях, входящих в специальный республиканский фонд, в хозяйствах с недостаточными трудовыми ресурсами и на массивах нового орошения. Земельные участки для дехканских хозяйств могут предоставляться в пожизненное владение с правом передачи по наследству, в пользование или в аренду на срок не менее 10 лет. Однако эти земли не могут быть

приватизированы и являются объектами купли-продажи, обмена, залога, дарения. Вообще в республике собственники только трех процентов крестьянских хозяйств могут свободно распоряжаться землей (в то время как в России - 79%, на Украине - 86%, в Белоруссии - 77%). Лимиты водопользования устанавливаются для дехканских хозяйств уполномоченным хокимом района, что многократно увеличивает зависимость даже таких "частников" от произвола властей, прежде называвшихся "колхозными".

В начале 1995 года в республике действовало более 8000 фермерских хозяйств. В большинстве своем они малочисленны. В половине из них работает не более двух человек, 32% хозяйств имеют три-четыре человека, лишь в 15% трудятся пять и более человек. В целом, общая численность постоянно занятых в крестьянских хозяйствах не достигает и 30 тыс. человек. Столь незначительное развитие собственно фермерства обуславливается тем, что ссуды фермерам выдаются под большие проценты, а уровень налоговых обложений на их доходы составляет 60-70%. Если учесть, что и землю выделяют большей частью отнюдь не лучшую, и местные власти в любую минуту могут нагрять с поборами, и соседи зачастую косятся на "богатеев", то становится понятной установка большинства "не высываться" и остаться "приусадебниками".

Руководство республики сознательно проводит политику, направленную на то, чтобы собственно капиталистический, фермерский бизнес в аграрном секторе не вы-

ходил за рамки мелкотоварного производства. Начиная с 50-х годов, в Узбекистане практиковалась сезонная аренда значительных наделов земли наиболее предприимчивыми людьми, способными быстро организовать высоко-рентабельное производство овощей и фруктов, снять урожай. Большинство производимой на таких полях продукции скупалось перекупщиками и вывозилось в Сибирь и европейскую часть СССР. Точных размеров полученных таким образом прибылей никто не подсчитывал, но в любом случае это были многие миллионы. Теперь, казалось бы, эти опытные предприниматели смогли бы просто выйти в фермеры, интегрируя вокруг себя значительное количество людей, вышедших из колхозов и передавших им свою землю. Однако этого не произошло. В 1992 году вышел указ о запрещении вывоза сельхозпродукции за пределы республики, дабы "больше продуктов оставалось самим узбекам". Через некоторое время запрет был ослаблен, но и сегодня желающему легально вывезти с территории Узбекистана сельхозпродукцию довольно сложно получить лицензию. Процессу формирования крупной сельской буржуазии "снизу", таким образом, были положены серьезные преграды. Даже если все барьеры сегодня будут сняты, восстановиться узбекскому частному предпринимателю трудно, поскольку за это время большинство рынков Сибири и европейской части России сумели завладеть перекупщики с Кавказа.

И все же необходимо констатировать, что ожидания населения постепенно нарастают. Особенно

интенсивно это происходит в Андижанской, Ферганской, Наманганской областях с высочайшей плотностью населения, где, к примеру, принятая статья закона о наследовании земельных участков, исключая дробление их и предусматривающая передачу его в одни руки (старшему сыну и т.д.), воспринимается населением очень тяжело, так как означает, по существу, полную маргинализацию остального молодого поколения, без шансов обзавестись собственностью: получить участок, построить дом, вести хозяйство, (миграция, а также получение технической специальности, не связанной с работой в сельской местности, рассматриваются во всех слоях узбекской деревни как нежелательные).

Колхозы и совхозы, преобразованные в сельхозакционерные общества, продолжают производить примерно четыре млн. т хлопка, остающегося основной статьей узбекского экспорта (свыше 90%). Власти и здесь стремятся ввести рыночные рычаги управления, поднять стимул личной заинтересованности. Кабинет Министров принял постановление "О порядке реализации хлопка-волокна, произведенного на хлопкозаводах республики", согласно которому весь произведенный колхозами и совхозами хлопок-сырец в обязательном порядке должен сдаваться на заготовительные пункты или хлопкозаводы, 15% может реализовываться по свободным договорным ценам самими хозяйствами.

В реальной жизни все декларации правительства о том, что хозяйствам можно часть сверхплановой продукции продавать "на сво-

бодном рынке", не соответствуют действительности. Хлопок был и остается под полным контролем и распоряжением государственной бюрократии в лице созданной по специальному указу президента республики государственно-акционерной ассоциации "Узбекгосхлоппромсбыт". Речь идет о жесточайшей монополии республиканского центра на хлопок. Хокимы областей и районов обладают широчайшими властными полномочиями на вверенной им территории, кроме одного - права распоряжаться "белым золотом". Едва ли хотя бы один из них решится сегодня продать и вывезти тонну хлопка за пределы республики без письменного разрешения президента и его зама, вице-преьера Джурабекова.

Нет, видимость "свободного рынка" есть. В столице найдется масса людей, готовых на словах "достать хлопок". На деле эти многочисленные посредники едва ли что-то могут. В конечном счете ивановские, рижские и прочие вояжеры, стремящиеся идти "частным путем", упираются лишь в две фирмы, которые только называются "акционерными", но по сути своей они чисто государственные, отличающиеся друг от друга только подчиненностью: одна - "джурабековская", другая - "каримовская". Ручейки "белого золота" в виде нескольких вагонов (200-500 т) вытекают из республики и помимо указанных структур, однако и здесь нет никакой "случайности". К примеру, в каком-то районе до предела дошел дефицит лекарств, и тогда "центр" позволяет продать частичку хранящегося на местных

складах хлопка, чтобы закупить медикаменты.

Жесткая монополия центральной власти на хлопок способствует обнищанию хозяйств, у которых давно исчерпаны все запасы запчастей, нет бензина, строительных материалов, но главное - люди многие месяцы не получают заработной платы в денежном выражении. Все это негативно влияет на престиж руководства республики в сельской местности, подталкивает к развитию недовольства, которое в разговорах дехкане почти не скрывают, слегка затушевывая его воспоминаниями о "добрых брежневских" или "советских" временах. Однако это не означает сегодня наличие у узбекской деревни острого неприятия существующего режима. Более того, можно утверждать, что властям удалось достичь некоего консенсуса с ней, причем он покоится отнюдь не только на традиционной поддержке села, его удалось достичь по следующим причинам:

- в ряде наиболее конфликтогенных зон власти пошли на радикальный передел земли в пользу частного минифундизма. В Андижанской области были распределены между дехканами даже весьма плодородные и хорошо орошаемые участки земли. Это не могло не способствовать определенному умиротворению населения;

- в мелких городах и кишлаках была открыта возможность быстро приватизировать объекты торговли и соцкультбыта, причем при достаточно низком налогообложении. То, чем многие занимались "от века" нелегально, стало возможным делать открыто;

- практически над всем населением республики довлеет "таджикский синдром", страх возникновения войны в самом Узбекистане;

- в известной мере поддержка руководства республики обусловлена и тем обстоятельством, что определенные слои интеллигенции и нарождающейся мелкой буржуазии получили возможность съездить в соседние страны, где их ужаснул низкий уровень жизни простого народа. Каршинские "деловые" круги, к примеру, ратуют за жесткого И.Каримова, поскольку он закрыл проникновение в Узбекистан "всякому сброду" из Афганистана, Пакистана, Ирана, как впрочем и "братского" Таджикистана.

У государства есть еще возможности для маневров, планируется освоение новых земель. С назначением хокимом в Сырдарьинскую область выходца из Ферганы власти развернули тонкую агитацию среди населения долины в пользу переселения в зону Гулистана, обещая выдавать большие участки земли. Однако надо признать, простора для "обходных маневров" не так много. К примеру, новые земли требуют интенсивных мелиоративных мероприятий. Между тем, в республике уже сейчас ощущается дефицит водных ресурсов, в связи с ростом населения потребление воды уже через пять лет придется увеличить на 15-20%. Водные же ресурсы оказались близки к истощению.

Социальная стабильность в узбекском обществе в ближайшее десятилетие будет зависеть от того, удастся ли руководству республики сдержать под контролем процесс увеличения частнособствен-

нического сектора сельского хозяйства, от его готовности жертвовать частью государственных угодий в пользу последнего. Вокруг этого, несомненно, развернется ожесточенная борьба между двумя секторами сельского хозяйства, которая будет выплескиваться в различных формах в сферу политики. В принципе от решения проблемы ликвидации дисбаланса между частным и государственным секторами в сельском хозяйстве Узбекистана будет зависеть политическая стабильность республики, если не всего среднеазиатского региона.

Особенности формирования рабочей силы

Хотя промышленность республики представляет собой относительно обособленный социально-экономический комплекс в меньшей степени, чем в других частях бывшего Союза, подверженный разрушительному воздействию набравших силу дезинтеграционных процессов, следует отметить, что существует ряд факторов, которые в течение ближайшего десятилетия способны затормозить промышленное развитие, а при определенных обстоятельствах, возможно, и вызвать паралич отрасли в полном смысле этого слова.

Индустриализация Узбекистана, начавшаяся с 20-х годов и особенно набравшая силу в 60-70-е годы, осуществлялась "сверху" по директивам Москвы, учитывавшим наличие природных ресурсов и интересы союзного промышленного комплекса. Культурные, демографические и прочие факторы местного общества в расчет не принимались. В результате был создан

промышленный комплекс, который не полностью отвечает потребностям населения (почти 60% необходимых товаров республика ввозит извне). Однако это обстоятельство не являлось бы существенным, если бы не возникли в ходе индустриализации и не получили бы острого развития после распада Союза другие факторы - специфика формирования рабочего класса республики и своеобразное межнациональное разделение труда.

Узбеки, в силу традиции сориентированные на мелкотоварное производство и выращивание хлопка, не испытывали и не испытывают тяги к другим занятиям (об этом свидетельствует, к примеру, хотя бы тот факт, что сегодня в Узбекистане насчитывается не менее 250 тысяч зарегистрированных безработных, и в то же время 30-40 тысяч рабочих мест на промышленных предприятиях остаются вакантными). Практически они полностью заняли отрасли сельского хозяйства, торговлю, сферу обслуживания, а с укреплением национальной интеллигенции в 80-х годах монополизировали аппарат государственного управления. Привнесенная центром индустриализация слабо затронула образ жизни узбекского населения и не разрушила традиционного общества, поэтому государство было вынуждено приглашать или привозить на промышленные предприятия рабочих из других регионов. В основном это были русские, однако прибывали и украинцы, татары, армяне, представители других национальностей (далее этих людей в данном контексте мы будем обо-

значать русскими или русскоязычными).

Следует отметить, что при советской власти центральные и узбекские руководители сосредоточивались при осуществлении миграционной политики на решении "технических" задач, не уделяя должного внимания перспективам развития прибывающих в полноценную диаспору. В результате такого прагматического подхода русское (и русскоязычное) население Узбекистана не имеет сегодня настоящей духовной элиты, что затрудняет процесс адаптации тысяч людей в новых, изменившихся условиях. Все русское население оседало начиная с 20-х годов исключительно в городах. Лишь 5,2% русских, по данным последней переписи, проживало в сельской местности. Они концентрируются главным образом в промышленных центрах Узбекистана. Чтобы еще больше в этом убедиться, достаточно ознакомиться с национальным составом таких городов Ташкентской области, как Алмалык, Ангрен, Ахангаран, Бекабад, Нариманов, Чирчик. Русские составляют здесь соответственно 46, 31, 35, 22, 30, 43%, узбеки - 20, 32, 33, 44, 16, 16%. Аналогична картина по г. Ташкенту (русских - 34, узбеков - 44%). Именно это городское русское (русскоязычное) население и занято в промышленности, на предприятиях машиностроения, топливно-энергетического и химического комплексов, в строительстве и геологоразведке. На отдельных промышленных объектах они составляют до 90-95% всех занятых на производстве; на основной массе предприятий русские насчитывают

более половины персонала. Исключение составляют хлопкоочистительные заводы, где занято значительное число узбеков.

В результате сложившегося разделения труда социокультурной интеграции между русскими и узбеками не получилось. В экономике республики русские заняли определенную нишу, которая в какой-то степени была признана узбекской элитой, но которая так и осталась непонятной и неприемлемой для узбекской традиционной деревни, относящейся ко всему русскому, европейскому и городскому, как к чему-то инородному, с чем до поры до времени приходится мириться.

Очень важным вопросом перед республикой в ближайшее десятилетие станет проблема несоответствия между имеющейся производственной инфраструктурой и социокультурными ценностями коренного населения. Заводы и фабрики строились на основе планов макросистемы, которую представляла собой сверхцентрализованная экономика СССР. На ту или иную сырьевую базу завозилось оборудование и рабочая сила; возникали гиганты, никоим образом не связанные с интересами и, главное, с представлениями о труде местного населения. Возникла проблема, которую Узбекистану неминуемо придется решать, - это необходимость увязывания интересов традиционного узбекского общества, с одной стороны, и возникшего в ряде городов полиэтнического сообщества, с другой.

Сегодня разыгрывается самый худший для Узбекистана вариант - исход русского и русскоязычного населения. Уже сейчас это сказы-

вается очень пагубно на отдельных отраслях промышленности. К примеру, электроснабжение Узбекистана обеспечивалось до недавнего времени персоналом, более чем на 90% состоявшим из русских. Сегодня в связи с эмиграцией уже остановлена половина энергоблоков Сырдарьинской ГРЭС. Недавно построенная Новоангренская ГРЭС законсервирована, так как на ней некому работать. С запредельно минимальной нагрузкой работает Ташкентская ГРЭС. Закрыт Ферганский химический комбинат, и республика закупает удобрения за рубежом.

Никто до конца не просчитал последствия процесса полного исхода "русскоязычных" из Узбекистана. В близлежащей перспективе это означает утрату темпов промышленного производства, а на отдельных участках его полный паралич. Это, конечно, поправимо, однако потребует не менее десяти лет для восполнения кадров. В долгосрочной перспективе исход тысяч людей приведет к ликвидации того слоя населения в десятке городов республики, который формировал их социально-экономическое и культурное своеобразие. В конечном счете это будет удар по всей узбекской культуре в целом. Последнее может привести к практически необратимым результатам - к изменению системы ценностных ориентаций в узбекском обществе, к глубочайшим изменениям самого истбылишмента республики (этот тезис мы постараемся обосновать более подробно ниже).

Процесс разгосударствления

и приватизации в промышленности

В российской и западной печати очень часто режим Каримова обвиняют "в недемократической медлительности" в осуществлении процесса разгосударствления и приватизации. В местной республиканской печати делается одно, более тонкое дополнение, что усиливаются "госкапиталистические" тенденции в экономической политике Узбекистана. Свидетельством этого является образование различных концернов, учредителями которых являются бывшие государственные предприятия - монополисты. Однако, если учесть существующий ныне, пусть даже постоянно разрушающийся, этнический состав трудовых коллективов во всей промышленной сфере, то станет ясно, что правительство, работающее в национальных, узбекских интересах, не может не действовать "медленно" и не используя "госкапиталистические" рычаги. Любой другой вариант означал бы, что собственность попала бы в руки русских и русскоязычных, что способствовало бы в конечном итоге зарождению иной, неузбекской буржуазии в Узбекистане.

Начиная с 50-х годов шел процесс вытеснения с командных управленческих постов представителей неузбекской национальности. К концу 80-х годов с укреплением численно возросшей национальной интеллигенции этот процесс был завершен. Сегодня лишь в отдельных отраслях можно встретить русских на уровне заводов, хотя всюду еще сохраняется достаточно многочисленный слой русской (русскоязычной) научно-

технической интеллигенции. Ее, как и русскоязычные коллективы в целом, узбекская государственно-управленческая элита совершенно не намерена допускать к собственности. Опираясь на государственные структуры, она гарантирует себе при прохождении через все перипетии приватизации полный контроль над находящейся уже в ее руках собственностью. Вообще сегодня собственность у государства в основном выкупают либо владельцы крупной наличности (коммерческие структуры), либо руководители различного уровня (через подставных лиц, родственников и т.д.). При этом в массе приватизируются экономически выгодные объекты (предприятия торговли, общественного питания), а производственные объекты (прежде всего убыточные) остаются в сфере государственного сектора.

В республике реализуется так называемый номенклатурный вариант приватизации: прежняя партийно-хозяйственная элита становится и основным субъектом предпринимательской деятельности, сохраняя за собой командные высоты в экономике. Процесс формирования национальной буржуазии происходит таким образом прежде всего "сверху", что в будущем не может не отразиться в политической сфере, на поведении элиты республики.

После рассмотрения ситуации в сельском хозяйстве и промышленности Узбекистана мы приходим к заключению, что в ближайшее десятилетие Узбекистану потребуется сильная, достаточно

централизованная власть. Для регулирования имеющихся в аграрном секторе противоречий, способных при определенных обстоятельствах вызвать тяжелые экономические последствия и социальные катаклизмы, для преодоления "отчужденности" национальной промышленности от интересов остального общества, наконец, чтобы удержать в большинстве своем неузбекский по своему этническому составу научный и технический персонал на заводах и фабриках и одновременно не допустить его к собственности, узбекской элите потребуется только жесткая, вникающая во все детали государственная власть. Без государственного регулирования экономических, а с ними социальных процессов никакой стабильности и тем более процветания быть не может. Только жесткое государственное регулирование способно предотвратить превращение имеющихся коллизий в экономике республики в глубочайший кризис всего общества. Современные обвинения в печати руководства Узбекистана в склонности к "авторитарным", "коммунистическим", "диктаторским", словом, "антидемо-кратическим" методам управления несостоятельны, поскольку не отражают имеющейся реальности, требующей жесткого государственного регулирования.

Однако здесь постепенно закладывается одно очень серьезное противоречие. Государство, стремясь не допустить захвата собственности русскими и русскоязычными, работавшими в промышленности, пошло по пути медленной приватизации, что было оправдано

для укрепления национального государства. Вместе с тем, в ходе этой приватизационной политики произошло укрепление позиции государственной, бывшей партийно-номенклатурной бюрократии, которая в результате стала подавлять всякую частную инициативу. В определенном смысле ныне Узбекистан в области промышленности еще более социалистическая страна, чем до обретения независимости, с той лишь разницей, что здесь сегодня правит исключительно национальная государственная бюрократия.

Перед Узбекистаном стоит сложнейшая задача модернизации экономики, которая немыслима без глубокой реформы государственного управления. Здесь заложен очень опасный узел противоречий. Нельзя обольщаться картиной внешнего спокойствия, которую в Узбекистане всегда умели искусно создавать. Если в Казахстане простаивающие сегодня крупные промышленные объекты внушают тревогу, то работающие в одну четвертую мощности заводы и фабрики Узбекистана (предоставляемые краткосрочные отпуска, выдаваемые рабочим "каримовские" небольшие дополнительные суммы денег и т.д.) не должны вводить в заблуждение. Выход может быть найден в развитии частного мелкотоварного производства с применением новейшей технологии. Если не произойдет значительного разгосударствления промышленного сектора, если все увеличивающемуся по численности городскому узбекскому населению не дать работы, отвечающей национальному менталитету (а это возможно лишь при быстром развитии

мелкотоварного частного производства на основе новейшей технологии), Узбекистану не избежать серьезных социальных катаклизмов.

Этнодемографическая ситуация и ее ближайшие перспективы

Узбекистан по общей численности населения занимает третье место среди стран, входящих в состав СНГ, уступая лишь России и Украине. По данным 1994 г., здесь проживало 22 млн. человек. Однако само по себе это сравнение ни о чем не говорит. Республика находится в зоне эпицентра продолжающегося в среднеазиатском регионе демографического "взрыва", последствия которого едва ли до конца осознаются и просчитываются. На тысячу человек в начале текущего десятилетия в Узбекистане ежегодно приходилось 27 новорожденных. Ежегодно население республики прибавляется в среднем на 450-550 тыс. человек. Расчеты показывают, что едва ли произойдет в ближайшей перспективе изменение данной тенденции. К 2000 году население Узбекистана превысит 26-27 млн., к 2010 году достигнет примерно 30-32 млн. человек.

Среднестатистические данные могут объяснить и дать возможность прогнозировать развитие в будущем таких негативных явлений, как снижение уровня потребления, рост безработицы или случаев неполной занятости, усиление экономического давления на трудоспособную часть населения (особенно людей после 30 лет, ко-

гда их семьи чаще всего превращаются в многодетные и материальная обеспеченность падает) и т.д. Однако они не раскрывают всего драматизма уже складывающейся сегодня ситуации.

Республика по плотности населения разделена на две зоны. К первой зоне относится территория западнее и северо-западнее Ташкента. Здесь при наличии еще достаточного количества свободных необработанных земель люди более или менее быстро находят "выход" в форме обретения нового жизненного пространства; при возникновении новых семей молодые семьи сразу получают участок земли и приступают к индивидуальному ведению собственного хозяйства. В этих условиях мелко-товарное производство получает все новые импульсы к развитию, жизнь людей обретает достаточно ярко выраженный индивидуалистический характер, что накладывает отпечаток на все общество. Последнее здесь более мобильно, втянуто в интенсивные товарно-денежные отношения.

Ко второй зоне относится Ферганская долина Узбекистана. Здесь все "средние" показатели обретают сразу иное значение. В Андижанской области, занимающей менее одного процента территории Узбекистана, живут около 9% населения республики. Плотность населения здесь в 9 раз выше (437,8 человек на 1 кв.км.), чем по Узбекистану в целом (47,4 на каждый квадратный километр площади). Наманганская область (1,8% территории республики) обладает 7,8% жителей всего государства, причем здесь наиболее густо населены районы поливного земле-

делия. Ферганская область занимает 1,5% территории Узбекистана, где проживает 11% населения республики. Здесь ресурсы - земельные, водные и т.д. - не дают обществу возможностей прежнего, "экстенсивного" развития. Все региональные проблемы подспудно должны включать в себя и учитывать демографический фактор, причем в его самой острой, "ферганской" форме.

Узбекистан является многонациональной республикой по своему составу. Однако, в отличие от соседнего Казахстана, современное обострение межнациональных отношений не влечет здесь за собой серьезных политических катаклизмов - узбеки являются национальным большинством (около 85%), к тому же размещающимся более или менее равномерно по всей территории республики. Это означает, что проблемы межнациональных отношений не будут определяющими в динамике развития политических процессов. Однако в ближайшее десятилетие отнюдь не исключается возникновение "русского", "татарского" или какого-либо другого "национального вопроса". Они подспудно существуют и могут стать поводом для серьезных коллизий. Однако они не в состоянии трансформироваться в некую "приднестровскую", "абхазскую" и др. проблему. Главную пружину, двигатель политической жизни следует искать в процессах, происходящих собственно внутри узбекского общества. Так, например, исход в 1989 году турокмехетинцев повлек за собой усиление волны миграции других национальных меньшинств. Идет отъезд, но не может быть и речи о

каком-то политическом сопротивлении узбекам, абсолютному большинству населения республики.

Обозначим характер современной миграции. За последние год-полтора она приобрела лавинообразный характер (выехало по некоторым данным 440 тыс.человек). В конце 1994 года ежедневно у посольства РФ в Ташкенте толпились 1-1,5 тысяч человек, стремясь получить российское гражданство и статус вынужденного переселенца для переезда в ту или иную область России. Сегодня этого столпотворения нет, но не вследствие каких-либо позитивных изменений внутри Узбекистана, заставляющих многих людей изменить свои планы миграции, а потому, что в начале этого года в закон "О гражданстве РФ" была внесена поправка, согласно которой срок регистрации российского гражданства для россиян, проживающих в странах ближнего зарубежья, продлен до 6 февраля 2000 года. В этом протекающем крайне эмоционально процессе следует обратить внимание на следующие моменты:

1. Если еще совсем недавно для большинства русского (славянского) населения миграция представлялась лишь крайней и скорей всего временной мерой, то сегодня отъезд видится как безальтернативный акт, как оставление Средней Азии навсегда. Если еще недавно рассматривались какие-то программы по сохранению славянской диаспоры, то сегодня и республиканские официальные структуры, и полномочные российские службы отбросили их как утопические. При этом узбекская сторона, постоянно декларируя заботу о

своих русских согражданах, осуществляет меры, которые совершенно очевидно подталкивают к миграции (речь идет не только о жесткой дискриминационной кадровой политике, которая осуществляется достаточно скрыто уже много лет, но и о совершенно демонстративных актах, как, например, отключение трансляции российского телевидения в 10 часов вечера в новогоднюю ночь 31 декабря 1994 года). Наличие в управленческих структурах второго эшелона русских специалистов не должно вводить в заблуждение: они либо уже строят себе жилье в России, либо занимаются его поисками, не помышляя о перспективах дальнейшей жизни в Узбекистане.

2. Татарское население, составлявшее еще недавно почти 700 тысяч человек, исключительно городское и грамотное, все больше начинает мигрировать в Россию. Можно говорить уже о массовом исходе. Здесь нужно обратить внимание на тот факт, что многие отъезжающие татары предпочитают ехать в Башкортостан (это связано с тем, что многие считают именно его своей исторической родиной; там люди рассчитывают получить быстрее работу, адекватную их профессиональному уровню; наконец, не последним мотивом служит "более либеральный режим отношений между татарами, чем в самом Татарстане"). Это может вызвать серьезные изменения в этнодемографическом составе самого Башкортостана со всеми вытекающими из этого политическими последствиями.

3. Миграция евреев, немцев, крымских татар, хотя еще полностью не завершена, находится уже

на конечной стадии необратимого процесса.

4. Определенный интерес представляет собой начавшаяся миграция в Россию узбеков (по разным оценкам, 1-2,5 тысяч человек). Среди уехавших значительную часть составляют образованные люди - специалисты в отдельных отраслях производства, чиновники, не нашедшие себе места в структурах власти по различным причинам, в том числе из-за имеющегося близкого неузбекского родства, а также люди денежные, не видящие больших перспектив для своего бизнеса. Происходит это потому, что знания, главный товар интеллигенции, и деньги, собранные, но не способные "крутиться" в условиях все более ужесточающегося государственно-бюрократического регулирования, оказываются невостребованными.

5. Нельзя упускать из поля зрения положение тех национальных меньшинств, которые не помышляют сегодня о миграции из Узбекистана. Корейцы (почти 200 тысяч человек), переселенные сюда сталинским режимом в 30-х годах, в большинстве своем несколько десятилетий проживали в сельской местности (причем общинная организация, дисциплина и хозяйственный опыт позволяли им получать высочайшие урожаи, обеспечивавшие корейцам, по сравнению с другими группами населения, достаточно высокий жизненный уровень). В последние годы идет стремительный процесс внутриреспубликанской миграции корейцев из сельской местности в города, где они отчасти заполняют освобожденную русскими, евреями и другими нишу. Главное направ-

ление их устремлений - частное мелкотоварное производство, торговля. Если учесть, что в страну очень умело и интенсивно проникает южнокорейский капитал, то здесь требуется анализ возможных последствий усиления влияния корейской диаспоры в республике, как позитивных (в частности, ускоренное развитие городской частнособственнической инфраструктуры), так и негативных (не в последнюю очередь возможности развертывания конкурентной борьбы между узбеками и корейцами, борьбы, которая может обернуться в Средней Азии просто погромами, как это случилось в 1990 году с армянскими кооперативами в Душанбе и Ашхабаде).

6. Таджики (которых согласно официальной переписи около миллиона, но совершенно очевидно, что значительно больше - 1,5-2 млн. человек) являются преимущественно городским населением Самарканда и Бухары. Еще в начале 90-х годов они находились в резкой оппозиции к руководству республики. Став президентом независимого государства, И.Каримов повел более гибкую политику, предоставив часть мест в органах местного самоуправления представителям местной таджикской элиты. Это в значительной степени изменило отношение таджикской диаспоры к официальному Узбекистану, чему способствовали также кровопролитная гражданская война в Таджикистане, прибытие в Бухару и Самарканд тысяч беженцев-таджиков. При всем очевидном умиротворении таджиков Узбекистана нельзя не отметить, что узбеко-таджикские противоречия здесь отнюдь не исчерпаны: права

меньшинства стали более широкими, но их никто не гарантирует документально, прибывшие из Таджикистана беженцы не могут не влиять идеологически на своих соплеменников. Многое будет зависеть также от происходящего в соседнем Таджикистане.

Указывая на то, что изменение этнодемографического состава республики не будет прямо способствовать политической дестабилизации положения, мы вместе с тем должны отметить одну серьезную угрозу долговременного характера. "Русско-язычное" население не только составляло значительную часть таких городов, как Ташкент, Самарканд, Фергана; оно не только своими руками создало новые города Чирчик, Ангрен, Навои, но и придало всем им особую ментальность. Выросшая в них узбекская элита вольно или невольно обладает спецификой, возможно, уникальной для дальнейшего исторического развития. С уходом русских разрушается невидимая культурологическая сфера городского узбекского общества, возникает определенный духовный вакуум, который сегодня может быть заполнен лишь исламом.

Возможность усиления так называемого исламского фундаментализма - именно этот фактор в ближайшее десятилетие будет вновь и вновь корректировать внутреннюю политику руководства республики, определять в значительной степени в геополитическом плане основные направления внешней политики Узбекистана.

Внутриполитическая обстановка

В появившихся аналитических работах, посвященных политическим процессам в Узбекистане последних лет, имеется, на наш взгляд, одно серьезное упрощение: явления рассматриваются через призму противоборства "прокоммунистического" режима И.Каримова и "демократической" оппозиции. Исследователи, среднеазиатские и российские, пришли в постсоветское и посттоталитарное время и пространство с весьма несовершенным инструментарием. К тому же они очень увлеклись перенесением отработанных схем и клише анализа современной европейской, прежде всего российской, действительности на восточное общество. В результате получается картина борьбы "коммунистов" и "демократов", "реформаторов" и "консерваторов", мало отражающая реальные политические процессы. С другой стороны, западная политология, рассматривавшая по-прежнему происходящие в Средней Азии события через призму противостояния и борьбы мирового сообщества с коммунистической системой, оказалась также не совсем подготовленной к адекватному осмыслению быстро меняющейся ситуации.

Наступление независимости привело к радикальной "встряске" всего развивавшегося политического процесса, к переоценке отдельных субъектов политической системы: одни полностью трансформировали свою сущность, другие остались прежними, но

утратили влияние, третьи, еще даже не осознав себя в достаточной мере самостоятельной политической силой, представляют собой угрозу полного изменения основ общественной жизни. Сегодня мы имеем дело с качественно новой политической системой, анализ которой нельзя представить в категориях предшествующего "перестроечного" периода.

Казалось бы, после обретения Узбекистаном независимости силы оппозиции коммунистическому правительству, возглавляемому И.Каримовым, должны были окрепнуть и возрасти. В самом деле, оппозиционные партии, действовавшие прежде в условиях полуполюгальных, прошли регистрацию в Минюсте республики ("Эрк", "Бирлик", ДДР) и стали выступать как вполне официальные оппозиционные силы. В конце марта 1992 года оппозиция предприняла решительный шаг, проведя учредительное собрание "Форума демократических сил Узбекистана", в котором приняли участие не только "традиционные оппозиционеры" - "Бирлик" и "Эрк", но и "Ассоциация молодых ученых и специалистов", включающая в себя ряд лиц, приближенных к правительственным кругам. К ним присоединились некоторые известные в республике общественные деятели, не входившие ранее в оппозиционные партии, в частности вице-премьер Ш.Мирсаидов, который на "Форуме" призвал к объединению и созданию "сильной оппозиции".

Однако ничего похожего не произошло. Оппозиции не помогли ни встречи в Ташкенте с высокопоставленными представителями

США, ни продолжающаяся по сей день в средствах массовой информации России, других государствах кампания в ее поддержку. Конечно, можно вновь и вновь возвращаться к имевшим место фактам произвола властей и насилия по отношению к отдельным деятелям оппозиции, но это едва ли может помочь в объяснении причин того, почему совсем недавно мощная, пользовавшаяся массовой поддержкой оппозиция утратила влияние на общество и превратилась в горстку разрозненных диссидентов-подпольщиков. Причины краха оппозиции значительно глубже, чем репрессивные действия спецслужб и правоохранительных органов республики. Они кроются в существенной перестановке социальных сил внутри узбекского общества после провозглашения независимости.

С конца 80-х годов общественные процессы в Узбекистане все более очевидно развивались по "прибалтийскому сценарию". В октябре 1988 года возникла инициативная группа по созданию движения в защиту природы, духовных и материальных богатств Узбекистана "Бирлик" ("Единство"). 28 мая 1989 года состоялся учредительный съезд "Бирлика", принята программа движения, избраны правление (включавшее в себя более 90 человек) и Совет, мозговой центр организации, состоявший из 19 человек. С этого момента "Бирлик" вступил в период своего стремительного количественного роста. Национальное движение стало обретать популистские черты. В течение 1989 года "Бирлик" провел ряд многоты-

сячных митингов с требованием придать узбекскому языку статус государственного. В начале 1990 года он развернул кампанию в защиту от произвола, чинимого над узбекскими юношами в советской армии и т.д.

Постепенно стала вырисовываться социальная база движения. Его возглавили представители научно-технической интеллигенции города Ташкента (Абдурахим Пулатов, первый председатель "Бирлика", физик-кибернетик, его брат Абдуманоб, член Центрального Совета, математик, Б.Ташмухаммедов, биолог и т.д.). Влияние творческой узбекской интеллигенции (поэты У.Азим, М.Солих и др.) также, несомненно, просматривается.

"Бирлик", согласно программе, представлял собой "общественно-политическое движение единомышленников, объединяющее в своих рядах на добровольных началах всех граждан, независимо от социальной и национальной принадлежности, кому небезразлично будущее Узбекистана, его природа, духовные и материальные ценности". Однако необходимо отметить, что ведущие деятели "Бирлика" с самого начала были убеждены в том, что их движение может развиваться исключительно на национальной основе, через мобилизацию национального сознания. В результате никакого взаимодействия с другими этническими группами Узбекистана у "Бирлика" не получилось даже на начальном этапе его существования (это отличает Узбекистан от Молдавии и республик Балтии, где национальное движение первона-

чально развивалось как интернациональное).

Лозунги национального возрождения нашли отклик во всех слоях общества, особенно у молодежи. Будучи преподавателями ТашГУ, других вузов столицы, бирликовцы стали оказывать достаточно мощное воздействие на узбекское студенчество. Последнее по своим социокультурным ориентациям, степени мобилизации, политической активности представляло собой достаточно сложный и неоднородный организм, распадавшийся на две части. Первая в основном состояла из столичной молодежи, воспитанной в полиэтническом окружении, находившейся в благоприятных домашних условиях, под контролем семей. Они были преимущественно политически пассивными, не проявляли интереса к различного рода митингам и демонстрациям.

Вторая часть - иногородняя учащаяся молодежь. В подавляющем своем большинстве - это выходцы из сельских районов. Будучи детьми как правило обеспеченных родителей, они оказались неадаптированными к условиям большого города - без жилья, контроля старших, привычного питания и ухода. Молодые люди чувствовали себя маргиналами, причем не только в настоящем, но и в будущем, поскольку шансов пробиться в сложившуюся иерархическую хозяйственно-управленческую структуру столицы у них было мало. Лозунги национального возрождения вызвали у этой части молодежи новые надежды и планы, политические тре-

бования нашли отклик, поскольку в программе "Бирлика" затрагивались проблемы, остро стоящие перед узбекской деревней. Именно студенчество из сельских районов, обучавшееся в Ташкенте, обеспечило массовость и мощь организуемых "Бирликом" митингов и демонстраций 1989-1990 годов. Опять-таки на него рассчитывал "Бирлик" при налаживании связей с узбекским крестьянством.

В какой-то момент казалось, что планы бирликовцев близки к осуществлению. Практически во всех крупных городах Узбекистана были созданы его инициативные группы. Прогнозы в определении позиции сельского населения также были не в пользу властей. Согласно им, окажись "Бирлик" легализованным в 1990 году, выдвини он на выборах в местные советы и ВС республики своих представителей, последние получили бы до 70% голосов узбекской деревни. Дехкане практически ничего не знали о программе "Бирлика", но они стали бы его поддерживать, выражая Компартии и прежде всего местным властям свой решительный вотум недоверия. В середине 1990 года, по оценкам лидеров национального движения, в него входили в качестве активистов около 300 тысяч человек. Сознывая, что КП Узбекистана представляет собой значительную силу, лидеры "Бирлика" не ставили до поры вопроса о захвате политической власти. Они лишь констатировали наличие "вакуума", возникшего между партийным аппаратом и народом. В той ситуации "Бирлик" не без оснований видел себя "на-

полнителем" образовавшейся "пустоты".

Возникновение Демократической партии "Эрк" весной 1990 года явилось не результатом разногласий между отдельными лидерами "Бирлика", а было обусловлено потребностью самого национального движения создать структуру, обеспечивающую успешную борьбу за политическую власть в стране, причем теперь уже не под лозунгом национального возрождения, а под флагом завоевания политической независимости Узбекистана. В принятой программе подчеркивалось, что "Эрк" - парламентская партия, осуществляющая свою деятельность политическими методами". Ее главной целью "является создание независимого демократического правового государства. Для реализации своей цели "Эрк", опираясь на волю народа, будет стремиться к укреплению своих позиций в парламенте и правительстве". Национальное движение медленно, но верно шло по "прибалтийскому пути". Приход к власти зависел от того, как скоро государственно-управленческие и хозяйственные структуры, пойдут за лозунгами национального возрождения, осознают, что обретение полной независимости возможно, и оно не повлечет за собой никаких материальных и других лишений.

Однако произошедшие в августе 1991 года события в Москве привели к крушению Советского Союза и провозглашению независимости Узбекистана. Цель национального движения, как "бирликовцев", так и "эрковцев", была достигнута быстро,

бескровно, но, главное, неожиданно скоро даже для тех, кто ее наиболее решительно провозглашал. В принципиально изменившихся условиях на первый план выдвинулась задача консолидации нации в рамках той или иной политической структуры. И тут обнаружилось, что "преждевременно возникшая" независимость идет отнюдь не на пользу "Бирлику" и "Эрку".

Как было показано выше, основу национального движения, а затем и партии составила узбекская, главным образом столичная, интеллигенция. Это не означает, однако, что процесс перехода национальной элиты из коммунистических властных структур в новые образования уже завершился или хотя бы достиг в Узбекистане значительных масштабов. Сегодня можно лишь гипотетически предполагать, что было бы, если бы после августовского путча последовало запрещение КПСС на всей территории Союза, а политическая независимость республик не была бы объявлена еще несколько месяцев. Тогда в поисках новых форм самоорганизации элита республики скорее всего обратилась бы к "Бирлику". В реальности же в независимом Узбекистане новые и старые политические формирования должны были в конкурентной борьбе доказать право на политическую власть. Здесь "Бирлик" и "Эрк" оказались в значительно худшем положении, чем уцелевшая Коммунистическая партия Узбекистана.

Последняя в новых условиях действовала решительно. В ноябре 1991 года был проведен чрезвычайный съезд КП, который объявил о ее самороспуске и соз-

дании Народно-Демократической Партии Узбекистана (НДПУ). На данном форуме был принят программный документ, свидетельствовавший об отказе руководства новой партии от прежних идеологических догм. НДПУ выступила "за достижение такого политического и государственного устройства общества, которое гарантирует человеку свободный выбор форм его политического, экономического и социального бытия", за "общество, где обеспечивается равноправие всех форм собственности и труда, предпринимательства и конкуренции, не допускается идеологическое вмешательство в экономическую и хозяйственную деятельность", где "не будет господства одной идеологии, одного мировоззрения, где гарантируется свобода слова и совести, общечеловеческая нравственность и гуманизм". Партия выразила приверженность укреплению государственной независимости, выступила "за безусловное обеспечение права суверенного народа Республики Узбекистан на самостоятельное определение путей своего государственного, правового, экономического, культурного и политического развития. За полноценное применение государственного узбекского языка".

Совершенно очевидно, весь идеологический багаж национального движения был заимствован и переработан НДПУ. Тем самым был нанесен удар по оппозиции - "Бирлику" и "Эрку", которые, по существу, лишились своей потенциальной социальной базы. При этом у НДПУ было одно несомненное

преимущество - она сохранила организационные структуры. Безусловно, не обошлось без потерь: от прежней 800-тысячной организации осталось меньше трети состава. Изменился и национальный спектр (если в КП Узбекистана было не менее 35-40 процентов русских, то в новой партии их оказалось лишь 4,3%. Ячейки партии сохранились фактически на всех производственных объектах. Была сформирована фракция НДПУ, обеспечивающая ей абсолютное большинство при принятии решений в тогдашнем Верховном Совете (327 депутатов из 500).

Это не означает, что борьба с политическими конкурентами не продолжалась. Властями была разработана достаточно изощренная тактика по оказанию давления на ведущие оппозиционные организации - "Бирлик" и "Эрк". Президиум ВС республики принял постановление "О мерах по предотвращению незаконного финансирования общественных объединений", которым запрещалась материальная поддержка деятельности политических организаций республики со стороны религиозных организаций, а также партий и граждан других государств. Тем самым были перекрыты или по крайней мере объявлены вне закона реальные и возможные источники помощи силам оппозиции из-за границы, в частности материальной поддержки "Бирлика" со стороны российских демократов (бирликовский "Независимый еженедельник" был зарегистрирован и печатался в Москве); финансирования "Эрка" турецкими политическими структурами, в том

числе влиятельной партией "Миллий Чолишма", с которой у эрковцев наладились тесные отношения.

В декабре 1992 года был принят Закон "О защите конституционных органов власти". В соответствии с ним в уголовный кодекс республики был внесен ряд изменений и дополнений. Так, за "публичные призывы к насильственному изменению конституционного строя или захвату власти, или отстранению от власти законно избранных или назначенных представителей власти..., а равно распространение материалов такого же содержания" следует наказание лишением свободы на срок до трех лет. За насильственные действия, направленные на воспрепятствование законной деятельности конституционных органов власти, - на срок до пяти лет. По отношению к деятелям оппозиции власти стали подходить двояко: одних режим стал стремиться интегрировать в истеблишмент, других - подвергать обструкции, гонению, физическому насилию.

Курс на вовлечение ряда оппозиционеров во властные структуры принес определенные результаты: академик Т.Вавилов, поэт Ш.Юсупов вошли в президентский совет. Произошел раскол в среде национального движения - умеренные лидеры покинули "Бирлик", другие отказались от прежних радикальных установок, конфронтации с властями. Бек Ташмухаммедов, сопредседатель "Бирли-ка", был назначен председателем Высшей Аттестационной Комиссии республики. Показательно, что сразу после своего назначения, он в интервью

подчеркнул, что всегда был не просто в оппозиции, а в "конструктивной оппозиции", не позволяющей властям допускать ошибки. Тон заявления был явно примирительным. Ряд требований оппозиции уже был воплощен в жизнь (независимость республики, статус узбекского языка, вопросы воинской службы), остались же проблемы прав человека, но "их за три месяца не решить, для этого требуется время".

16-17 января 1992 года в Ташкенте произошли студенческие волнения, на подавление которых были брошены отряды ОМОН, имелись убитые и раненые. Это было первое антиправительственное выступление в Узбекистане после провозглашения независимости республики. В российской печати основной акцент был сделан на освещении собственно репрессий, обрушившихся на студенчество. Между тем, на наш взгляд, были оставлены без должного внимания более глубокие, подспудно протекавшие процессы.

Одним из важнейших последствий событий января 1992 года являлось осознание правительством того, что студенчество (преимущественно выходцы из сельских районов) составляет ударное, наиболее мобильное звено оппозиции. Власти предприняли меры куда более серьезные, чем собственно репрессивные действия ОМОНа; была разработана и осуществлена в кратчайшие сроки программа по рассредоточению студенческой критической массы и выведению ее значительной части за пределы столицы. С этой целью иногородние студенты были в срочном по-

рядке депортированы в места своего постоянного проживания. В развитие данного направления было принято решение о создании 15 новых вузов (из них 7 - университетов) в областных центрах республики. Тем самым руководство Узбекистана достигло следующих результатов: во-первых, оппозиция лишалась одной из важнейших своих частей - студенчества (вследствие этого "Бирлик" и "Эрк" полностью оказались не в состоянии поднять массу населения столицы на серьезное выступление); во-вторых, правительство получило поддержку неузбекского населения столицы, поскольку резко сократились случаи проявления национал-экстремизма, да и в целом после удаления массы иногородних студентов в Ташкенте стало значительно спокойней.

Летом 1992 года оппозиция, вдохновленная успехами Народно-го фронта в соседнем Таджикистане, которому удалось превратить бессрочный митинг на центральной площади в правительственный переворот, наметила выступление против правительства И.Каримова. Обстановка в Ташкенте накалялась по мере приближения сессии ВС республики, намеченной на начало июля. Однако власти нанесли по оппозиции превентивный удар. Вечером 29 июня на жизнь сопредседателя движения "Бирлик" Абдурахима Пулатова было совершено покушение. Группа вооруженных металлическими прутьями мужчин избила его и двух других активистов "Бирлика" рядом с прокуратурой Чиланзарского района, куда они были вызваны на допрос. В дни сессии был установлен многослойный милицейский за-

слон, перекрывающий подступы к центральной части города. Оппозиция была вынуждена принять решение об отмене массовых выступлений.

Следующим аккордом в борьбе президента с оппозицией стала приостановка деятельности народного движения "Бирлик", которому было инкриминировано противодействие ратификации Договора о дружбе и сотрудничестве между Россией и Узбекистаном. Кроме того, в публикации с сообщением о приостановке деятельности "Бирлика" осуждался бирликовец Ядгар Обидов, поддержавший "от имени узбекского народа" действия толпы на площади в Душанбе. Некоторые члены "Бирлика" были привлечены к уголовной ответственности "за открытые оскорбления президента".

Далее последовало полное запрещение "Бирлика" и "Эрка". Некоторые лидеры, в частности М.Салих, предпочли уехать за границу; другие находятся в Узбекистане в условиях полной изоляции (А.Пулатов). Сегодня официальная печать и даже сам президент время от времени вспоминают о них, как о "властолюбцах" и "карьеристах". Проведенный в мае 1995 года политический процесс, на котором в качестве обвиняемых были несколько "бирликовцев" и "эрковцев", представляется нам уже "перебором" властей. Им была инкриминирована подготовка боевиков для свержения конституционного строя в Узбекистане и суд вынес приговор - 12 лет тюрьмы и исправительно-трудовой колонии. Весь процесс был направлен прежде всего против "Бирлика" и "Эр-

ка", организаций, в политической жизни сегодня обреченных.

Национальное движение, начавшееся с конца 80-х годов, опоздало в своем развитии к моменту обретения республикой независимости и утратило реальную основу. Ислам Каримов, лидер Коммунистической партии Узбекистана, не только быстро трансформировал партийную структуру, отбросил прежние коммунистические лозунги и сформировал достаточно близкую, понятную для большинства населения программу национальной независимости, но главное, смог в новых условиях замкнуть процесс консолидации национальной элиты на себя. Политическая оппозиция не имеет сегодня социальной базы: национальная элита отдала президенту право на власть за возможность в новых условиях делать деньги.

Альтернативы режиму И.Каримова на сегодня нет. Наивно выглядят призывы отдельных западных деятелей "вернуть оппозицию", в частности Мухаммада Салиха, лидера "Бирлика", находящегося в Турции. На это президент не пойдет. Никакого примирения не будет, ибо это не соответствовало бы природе уже сложившегося режима. С другой стороны, подобные призывы даже вредны, ибо еще больше закрывают для властей возможности восприятия инноваций. Любое обоснованное и выгодное предложение о проведении реформ в стране не будет воспринято президентом и его окружением, если будет связано с какими-либо намеками о легализации "бирликовской" оппозиции. Чтобы это понять, рассмотрим те-

перь генезис возникшего в Узбекистане политического режима.

Развитие президентской власти и ее особенности

Сразу следует отметить, НДПУ, имея разветвленную сеть партийных ячеек практически на всей территории республики (12,5 тысяч), объединяя почти 380 тысяч членов, формируя и в старом, и во вновь избранном парламенте Узбекистана самую большую фракцию, не контролирует в полном объеме политическую, не говоря о хозяйственной, власть в стране. Даже призрачно ее влияние не может быть сопоставимо с всесильем КП Узбекистана еще несколько лет назад. Новой партии от своей приемницы удалось взять многое, но она, по существу, явилась лишь "трамплином" для формирования в республике режима сильной президентской власти, все больше приобретающей авторитарный характер.

Власть Ислама Каримова в ее нынешнем виде складывалась в течение последних четырех лет медленно, нельзя сказать, что по заранее продуманному плану, однако в такой последовательности, что можно вполне утверждать, что здесь есть определенная закономерность, объективно отвечающая потребностям экономического, социального и политического состояния республики. Его избрание было делом далеко непростым. На олимп власти в Узбекистане его вывели судьба и целый комплекс лишь на первый взгляд разрозненных факторов.

В 1985-1987 годах в Узбекистане прошли судебные процессы по делам о коррупции в хлопководстве, которые в сущности обернулись репрессиями тысяч людей, поставленных системой в ложные условия. Это был жестокий удар по элите республики, в конечном счете, - по национальному самосознанию (после обретения республикой государственной независимости высшие судебные инстанции Узбекистана реабилитировали свыше 1000 человек - всех осужденных по "хлопковому делу", что было бы невозможным, окажись здесь причины чисто уголовные).

В 1984 году правивший Узбекистаном четверть века Ш.Рашидов скончался при неясных обстоятельствах. На XVI пленуме ЦК КПУ, подготовленном при участии Е.Лигачева, его назвали "государственным преступником". Все последнее рашидовское бюро ЦК было арестовано. Политическая элита республики оказалась в полном замешательстве, растерянности, выдвинутые ею лидеры в силу ряда причин не смогли удержать бразды правления. Вступивший на пост первого секретаря ЦК КП Узбекистана Инамжон Усманходжаев очень скоро также был смещен и арестован по обвинению в коррупции.

Следующий партийный лидер Рафик Нишанов, опытный политик, слывший давним критиком Рашидова и находившийся долго на дипломатической работе, не смог разобраться во внутренней обстановке. При нем репрессии узбекской элиты и чиновничества продолжались. Он взялся за реорганизацию управленческого аппарата, упразднил несколько областей и тем

самым нарушил сложившуюся систему отношений между различными региональными группировками. В своих действиях он ориентировался на Москву, считая возможным активно участвовать в политической жизни всего СССР. Во внутренних вопросах Узбекистана он все больше доверялся работоспособному и исполнительному И.Каримову, который курировал не только Кашкадарью, но и многие другие важные участки работы, в частности кадровую политику. Трагедия, произошедшая в Фергане с турками-месхетинцами, застала Р.Нишанова врасплох. Его версия ее причин, сведенная до "стакана клубники", из-за которого подралась "несознательная" молодежь, была и некомпетентна, и оскорбительна. Она оттолкнула от него сторонников в самом Узбекистане, лишила поддержки московского истэблшмента.

Именно тогда наступил "звездный час" И.Каримова, который в иной обстановке едва ли смог бы стать партийным лидером. Он с самого начала проявил себя решительным руководителем, лично обращаясь во время межнациональных волнений в городе Паркенте к взбурдаженной толпе с требованием разойтись. Он показал себя тогда и как опытный политик, в момент ферганских событий пойдя на раздачу земельных участков, увидав причинную, а не следственную связь вещей. Он обнаружил себя и как масштабный политический деятель, одним из первых последовав примеру М.Горбачева - 24 марта 1990 года был избран президентом Узбекистана. Это не было слепым подражанием генеральному секретарю.

Если тот в результате получения президентских полномочий продолжал терять политический контроль над происходящими процессами, то Каримову, наоборот, удалось укрепить свой личный авторитет и овладеть окончательно всеми рычагами законодательной и исполнительной власти.

В отличие от своих предшественников Ш.Рашидова, И.Усманходжаева, Р.Нишанова, которые на ключевые посты предпочитали выдвигать своих земляков, он, пройдя снизу вверх всю систему государственно-бюрократического аппарата, будучи в первую очередь именно его выдвигенцем, отошел от "земляческого" принципа подбора кадров, отказался от политики, основанной на балансировании интересов различных кланов, решил не допускать чрезмерного усиления ни одного из них. Он стал назначать чиновников по принципу личной преданности, не забывая тех, кто помог ему прийти к власти (при этом обнаружилась одна его черта, он не терпит около себя крупных фигур, которые могли бы составить ему конкуренцию). Ему пришлось выбрать одного из представителей клановых, групповых структур, чтобы показать наглядно, кто собственно является хозяином в республике. Именно в таком контексте, на наш взгляд, следует рассматривать судьбу Ш.Мирсаидова.

Основными исторически сложившимися центрами деловой активности в Узбекистане в течение многих лет являлись Ташкент, Самарканд и Бухара на востоке республики, Коканд - на западе. В последние годы пограничная Сурхандарьинская область заметно

разбогатела, в первую очередь за счет торговли с соседним Афганистаном. По оценкам экспертов, большие денежные средства удалось накопить и в Хорезмской области. Однако о новых зонах деловой активности как центрах влияния говорить пока рано. Соответственно можно условно выделить три наиболее важных клана: из Восточного Узбекистана (Фергана, Андижан, Наманган), из Западного Узбекистана (Самарканд, Джизак, Сырдарья) и Ташкентский. Последний из них несколько слабее, чем два первых, однако от того, на чью сторону "вставали" ташкентцы, зависело в республике очень многое. У этих групп существует система сложных взаимоотношений и борьбы внутри истеблишмента и делового мира Узбекистана.

В конце 80-х годов одной из весьма влиятельных фигур на политической сцене республики стал выдвиженец "ташкентского" клана Шукурулла Мирсаидов. В августе 1989 года, вскоре после прихода к власти в качестве первого секретаря ЦК КП Узбекистана И.Каримова, Ш.Мирсаидов был назначен заместителем председателя Совета Министров Узбекистана, председателем Госплана УзССР. В начале 1990 года Верховный Совет утвердил его в должности премьер-министра, а после президентских выборов 24 марта того же года - вице-президентом. К моменту провозглашения независимости Узбекистаном он фактически был вторым человеком в республике. Однако то, что удовлетворяло все стороны верхнего эшелона власти в "советский период", перестало их устраивать уже в первые часы "освобож-

дения от диктата Москвы". Сегодня представляется неизбежной борьба двух влиятельнейших людей - И.Каримова, за которым шел партийный и государственный аппарат, и который использовал весь вес и все влияние "первого лица республики", и Ш.Мирсаидова, за которым шел ташкентский клан, причем расколотый, поскольку столичному высшему чиновничеству приходилось решать сложнейшую дилемму - присягать клану или аппарату.

На очередной сессии Верховного Совета республики в сентябре 1991 года сторонники Ш.Мирсаидова планировали организовать атаку на Каримова. В частности предполагалось, что против президента выступит председатель горисполкома Ташкента Фазылбеков. С резкими нападками, содержащими обвинения в диктаторских замашках, против Каримова выступили на сессии многие депутаты. Но крупные ташкентские партийные и государственные функционеры их не поддерживали. Элита республики сделала выбор - И.Каримов. Но он не ограничился тем, что остался первым лицом государства. Имея теперь достаточно прочные рычаги власти в своих руках, Каримов поспешил сделать ее легитимной уже в новых условиях. В декабре 1991 года набрав на общереспубликанских выборах абсолютное большинство голосов (87,15%), он стал первым президентом независимого государства.

Сразу после принятия президентской присяги, 4 января 1992 года, Каримов ликвидировал своим указом пост вице-президента. Ш.Мирсаидову был предложен

пост государственного советника, от которого он отказался. После его отставки прокатилась волна снятий его сторонников в районах и на предприятиях. В официальной прессе против него была развернута мощная кампания, в частности он был обвинен в том, что якобы в августе 1991 года поддержал ГКЧП (хотя в действительности все его действия в тот период предпринимались с санкции И.Каримова) и в коррупции. Спустя несколько месяцев после отставки Мирсаидов, не дожидаясь, когда это сделают депутаты Верховного Совета под нажимом Каримова, сложил с себя депутатские полномочия.

Лишившись всех официальных постов, он устроился работать в частную фирму, принадлежащую одному из его сыновей. Однако И.Каримову этого показалось недостаточным. Мирсаидов был отдан под суд за якобы совершенные в прошлом финансовые нарушения и злоупотребления. Обвинения были настолько сфабрикованными, что даже явно пристрастный суд вынужден был часть из них снять. В итоге Мирсаидов был осужден условно. В августе 1993 года на него было совершено покушение - взорван автомобиль, и лишь по случайности он остался жив. Понимая, что дело может обернуться еще хуже, Ш.Мирсаидов эмигрировал и в настоящее время, по некоторым данным, проживает в Москве, подчеркнуто не занимаясь политикой.

Такое настойчивое преследование не может быть объяснено только межличностными отношениями двух виднейших деятелей Узбекистана. Здесь была одержана победа не только политика

И.Каримова над политиком Ш.Мирсаидовым. Здесь государственно-бюрократический аппарат победил кланы (все, а не только ташкентский) и продемонстрировал, что хозяином положения является именно он. Все дальнейшее следует рассматривать как процесс формирования власти государственной бюрократии, олицетворяемой фигурой "сильного" президента. Принятая 8 декабря 1992 года Конституция республики закрепила президентскую форму правления, при которой он является главой государства, руководителем исполнительной власти в должности председателя Кабинета Министров (ст.89). Пошел процесс концентрации всей полноты исполнительной власти в руках президента. С этой целью была сформирована властная государственная вертикаль - институт наместников президента (хокимов) в областях, районах и городах. Был введен порядок прямого назначения и снятия хокимов (глав администраций) областей. Советы народных депутатов были сохранены, однако, согласно Конституции, их главы не избираются, а непосредственно назначаются "свер-ху", а подбор осуществляет аппарат президента. Аналогичная картина наблюдается и в судебной системе, где президент назначает и освобождает от должности генерального прокурора и его заместителей, представляет Олий Мажлису кандидатуры на должности председателя и членов Конституционного суда, имеет право отрешать от должности судей всех уровней.

Упрочение режима произошло еще больше после выборов 25 декабря 1994 года парламента рес-

публики, куда прошли исключительно представители государственной бюрократии, лично отобранные президентом. Позднее, в конце февраля 1995 года, этот парламент вынес на референдум и признал президентские полномочия И.Каримова легитимными еще на пять лет, причем сделал это досрочно, поскольку мандат президента должен истечь только в 1997 году. Оправданием такой спешки явилась воля самого народа, более 97% которого приняло участие в референдуме. После этого политического спектакля стало совершенно очевидно, что власть в Узбекистане все более принимает авторитарный характер.

Заняв ключевые позиции на политическом Олимпе республики, президент тем самым обрел относительную независимость от структур НДПУ. Это также было закреплено в новой Конституции, в которой подчеркивается, что "от имени народа Узбекистана могут выступать только избранные им Олий Мажлис и Президент республики. Никакая часть общества, политическая партия, общественное объединение, движение или отдельное лицо не могут выступать от имени народа Узбекистана" (ст.10). Нельзя утверждать, что он порвал с НДПУ, напротив, он не снял с себя пост лидера партии, продолжает поддерживать с ней многосторонние связи, пользоваться советами и поддержкой партийных структур. Однако нельзя не заметить, что его действия ведут не к укреплению НДПУ, а в противоположном направлении. Достаточно отметить в этой связи, что сразу после провозглашения Узбекистаном независимости все хоки-

мы областей были коммунистическими функционерами. Однако в течение последующих двух лет почти все они были заменены на управленцев из числа хозяйственников.

Вместе с тем, президент стал пытаться создать режиму более широкую социальную базу, привлечь на свою сторону различные слои общества. Кроме того, стремясь заручиться поддержкой Запада, он понимал необходимость формирования пристойного имиджа Узбекистана как страны, приверженной фундаментальным принципам многопартийной демократии, уважению прав человека и т.п. Этим объясняется в частности тот факт, что государственная власть время от времени выражает готовность поддержать отдельные "инициативы" по созданию новых политических партий и организаций.

Весьма благосклонно реагировала власть на появление в июле 1992 года партии "Ватан тараккити" ("Прогресс отечества"). Главная ее цель - "создание на основе свободных отношений экономической и духовной независимости Узбекистана, обеспечение развития демократии и превращение республики в одну из развитых стран мира". Расчет делался на "молодых профессионалов, хорошо разбирающихся в конкретных областях хозяйства или технических наук, предпринимателей", на "отбор свободомыслящих людей, способных принять на себя личную ответственность за будущее отечества и народа; содействие включению их в процесс управления". Одним словом, при поддержке "сверху" явно создавалась первая "неком-

мунистическая" партия, которая должна была объединить нарождающиеся "предпринимательские круги". Кроме того, с ее появлением решался вопрос о создании многопартийной политической системы в Узбекистане.

Были здесь и другие мотивы, устраивающие самого президента. Партия должна была стать каналом самоутверждения в столичной среде честолюбивых выходцев из провинции ("истинных патриотов"). Расчеты, видимо, связывались с тем, чтобы ограничить влияние ташкентской номенклатуры, скрыто симпатизирующей бывшему вице-президенту Шукрулло Мирсаидову и занимающей ключевые позиции в политической элите республики. О степени контроля новой партии "сверху" свидетельствует тот факт, что в конце января 1993 года в Ташкенте на втором съезде "Ватан Таракиети" его участников от имени президента поздравил госсоветник М.Умурзаков. Советник президента по делам молодежи Усмон Азим, занимавший до этого ведущие позиции в партии, был оттеснен с поста генерального секретаря и занял сейчас пост председателя партии. Генеральным же секретарем Центрального Совета партии стал Шавкиддин Жураев, молодой работник того же президентского аппарата.

Естественно, такая партия не обладает широкой социальной базой. Однако последние парламентские выборы вскрыли одно, на наш взгляд, весьма серьезное обстоятельство. Сюда потянулись люди, которые не входят в государственно-бюрократическую структуру, но которые под влиянием уже произошедших в обществе перемен

почувствовали вкус к политической деятельности. Несколько предпринимателей выдвинули свои программы, отнюдь не критиковавшие президента, а лишь содержавшие положения, отсутствовавшие в официальной доктрине (к примеру, о предоставлении русскому языку статуса языка межнационального общения). Один из таких людей - Рустам Усманов, глава "Рустам-банка", первого и пока единственного частного банка в республике с уставным капиталом свыше 150 миллионов рублей. Его жизненный путь никоим образом не укладывается в "партийно-номенклатурные" рамки.

Частный универсальный "Рустам-банк" был создан в марте 1992 года (в качестве учредителей выступили Усманов и члены его семьи). С первых дней банк встретил противодействие со стороны ряда руководителей республиканских правоохранительных органов, однако его закрытие вызвало бы негативную реакцию далеко за пределами республики, однозначно объявившей свою приверженность рыночной модели развития. Его стали прижимать скрыто, и трудно сегодня предположить, что ему удастся развиться в мощное финансовое учреждение, составить конкуренцию государственным банкам.

Однако в данном контексте нас интересует не банк, а его владелец, представитель нарождающейся узбекской буржуазии, его политические пристрастия. В период перестройки он - сторонник национального движения, чуть позже - "эрковец". С наступлением эпохи независимости Усманов, понимая изменение направления сил, удач-

но сориентировался и потому во время избирательной кампании 1992 года выступил в республиканской прессе со статьей о том, что лично он, будучи членом партии "Эрк", отдаст свой голос И.Каримову. С запрещением "Эрка" он обратил свой взор на "Ватан Тараккиети", занимался ее финансированием. От нее он и решил баллотироваться в парламент. Такие люди, во многом независимые от государственной бюрократии, в верхних эшелонах власти непонятны и потому кажутся опасными. На "чужаков" делается мощнейший нажим: сначала руководство партии вынуждает от них открещиваться, затем развертывается шумная обличительная кампания в прессе, далее идет шантаж. Усманов снял свою кандидатуру за несколько дней до выборов. Накануне их в его офисе ночью убили сторожа. Для него все кончилось благополучно, но едва ли этот человек будет вновь "влезать в политику" в ближайшем будущем.

Власти тоже извлекли для себя урок. Запретив "Бирлик" и "Эрк", не допустив в парламент "чужих", они вместе с тем поняли, что каналов для интеграции в систему отдельных инициативных групп, социально активных слоев молодежи, интеллигенции, предпринимателей, которые по каким-либо причинам не считают для себя неприемлемым входить в НДПУ или "Ватан Тараккиети", не достаточно.

И вот случилось невозможное для политической жизни Узбекистана, если не иметь ввиду этого контекста. На выборах в Олий Мажлис НДПУ проводит полторы сотни своих представителей. В уставе партии записано, что в случае

несогласия депутата с ее линией или выхода из организации, баллотировавшийся от партии должен в обязательном порядке сдать мандат. Однако 49 депутатов от НДПУ, партии президента, объявили о выходе из нее, об образовании партии "Адалот" ("Справедливость") и, соответственно, о новой парламентской фракции. Никакой негативной реакции у верхов это не вызывало. Более того, лидером нового политического образования стал главный редактор газеты "Народное Слово", правительственного органа. Спикер парламента призвал депутатские фракции "более ярко отражать интересы всего спектра общества", ведь создана, наконец, трехпартийная политическая система, возглавляемая сильным президентом.

В целом, данные общественные формирования весьма характерны для современного Узбекистана, где гражданское общество еще не получило достаточного развития, где различные социальные группы и слои еще идеологически не осознали собственные интересы и организационно не оформились в политические силы. Пойдя на создание перечисленных выше квазипартий, режим тем самым создал дополнительные каналы по мобилизации, по-существу, собственной социальной базы.

Иной была реакция властей на попытки создания политического формирования, имеющего конкретный социальный адрес, ориентирующегося на определенный слой общества. В декабре 1991 года состоялся учредительный съезд Свободной Дехканской Партии. Однако далее дело не пошло, возникли препятствия самого раз-

личного рода. Государственная бюрократия не могла себе позволить выпустить хотя бы гипотетически из-под своего влияния основную часть узбекского населения - крестьянство. Вот почему все усилия ташкентских интеллектуалов зарегистрировать ее столкнулись с трудностями. То, что сегодня деятельность партии с легкостью приостановлена, свидетельствует, что гражданское общество в Узбекистане еще находится в зачаточном состоянии. Окажись узбекская деревня готовой к восприятию лозунгов, отражающих ее интересы, успех СДП был бы обеспечен. И все же есть все основания предположить формирование в будущем достаточно влиятельной аграрной партии.

Жесткость, проявленная властями в отношении СДП, имеет в известной мере свое оправдание: СДП неизбежно начала бы будировать вопрос о проведении аграрной реформы радикальными методами, посредством скорой раздачи земли в частные руки. При нынешнем положении узбекской деревни, показанном выше, при сохранении дуалистической структуры сельского хозяйства Узбекистана это привело бы к экономическому параличу и взрыву обстановки в целом ряде районов республики.

Однако свое влияние на все стороны общественной жизни Узбекистана режим И.Каримова достиг преимущественно не маневрами перед политической оппозицией, перехватыванием ее лозунгов, привлечением одних лидеров и репрессиями против других, а прежде всего концентрацией власти в своих руках, давая при этом национальной элите возможность адап-

тироваться в новых условиях, постепенно приватизировать то, чем она владела в годы командно-административной системы, посредством других механизмов.

Одной из основных причин прочности президентской власти в Узбекистане является то, что режиму удалось в новых условиях "замкнуть" на себе процесс консолидации узбекской нации. С первых дней своего пребывания во главе государства И.Каримов в своей кадровой политике не только стал балансировать на паритете ведущих клановых сил - ферганской элитой (включающей в себя представителей Намангана, Андижана, Ферганы), ташкентской, самаркандской (группирующей в себя выходцев из Джизака, Сырдарьинской области), кашкадарьинской группировкой. Он возвел перетасовку кадров из различных регионов республики в один из принципов внутренней политики - нет более самаркандцев, каршинцев или ферганцев на службе государства, есть только узбеки. В целом можно заключить, что в отличие от соседнего Таджикистана, раздираемого противоречиями между "северными" и "южными", ленинабадскими и кулябскими таджиками, в Узбекистане процесс консолидации нации завершен. Здесь едва ли возможно появление мощных сепаратистских процессов.

Добившись консолидации элиты под своим началом, И.Каримов пришел еще к одному крайне важному заключению: Узбекистан с его социально-демографической структурой не может себе позволить полностью и безраздельно идти курсом политики "либерализации" экономики. Без мер жестко-

го государственного регулирования цен, программы оказания социальной помощи малоимущим слоям населения республика окажется на грани взрыва. Как это ни парадоксально звучит, но именно после январских событий (студенческие волнения) в политике режима, столь легко объявленном оппозиционной и российской прессой "прокоммунистическим" и т.д., все отчетливее обнаруживаются социал-демократические черты, хребет политики гибкого социального маневрирования. По словам президента И.Каримова, "мы против шоковых методов. Нужны прежде всего меры по социальной защите населения, иначе говоря "сильная социальная политика" с учетом демографических особенностей нашего региона. Не может себя считать гуманным государство, которое не может защитить свое население в столь тяжелый, ответственный период своего становления".

Безусловно, сложившийся политический режим в Узбекистане имеет достаточно ярко выраженные авторитарные черты. Однако было бы неверным подвергать данный режим уничтожающей критике с общедемократических позиций. Это было бы просто механическим переносом абстрактных теоретических принципов на конкретные условия Узбекистана. То, что приемлемо при анализе стран Западной Европы, США, не будет "работать" там, где гражданское общество еще по-существу не сформировалось. Необходим достаточно длительный период становления и развития рыночных отношений, чтобы различные социальные группы смогли осознать

свое место в общественной системе, самоорганизоваться для защиты собственных интересов политическими средствами. Пока же консервативный, авторитарный режим И.Каримова полностью объективно соответствует сложившимся историческим условиям. Его едва ли можно назвать "прокоммунистическим". Нам представляется возможным определить его как консервативный, стремящийся обеспечить любой ценой (и демократическими парламентскими методами, и откровенно насильственными) стабильность узбекского общества.

В политологии различают два вида стабильности: структурную и динамичную. Первая нацелена на функционирование системы без каких-либо значительных изменений сложившегося порядка вещей. При авторитарных методах управления, при отсутствии обратного контроля за действиями "верхов" у режима может возникнуть искушение превратиться в тоталитарный, ликвидирующий всякое движение. Во втором случае, при динамичной стабильности, она достигается властью в процессе развития системы посредством восстановления равновесия после испытанных внутренних и внешних воздействий, воспринимаемых ею как естественное явление повседневной жизни.

Консервативный, имеющий элементы авторитаризма режим И.Каримова в настоящее время добивается достижения именно динамичной стабильности. Он нацелен на проведение реформ во всех сферах жизни, на развитие общества. Здесь ему необходим сознательный консенсус среди основных

групп населения. Элите он дает возможность адаптироваться к современным условиям, остальным слоям обеспечивает достаточно стабильное положение, используя гибкую социальную политику.

Безусловно, данный режим заинтересован в сохранении Узбекистана как полностью независимого государства, без вовлечения его в какую-либо систему союзов, будь то с Россией или с тюркскими государствами. Даже СНГ воспринимается правящими кругами как явление временное. Это разделяется практически всеми частями элиты узбекского общества. Указанные выше трудности экономического порядка правящими кругами не принимаются в расчет. Спад производства при наличии широкой социальной базы и сильного негосударственного сектора (узбекской деревни, базара, которые всегда выручали население в трудные времена и не допускали голода) не угрожает режиму особыми осложнениями.

Угроза возникновения "религиозной" оппозиции

Сразу необходимо отметить серьезную методологическую ошибку при рассмотрении опасности "исламской волны" для Узбекистана. Эта опасность имеет прежде всего внутренние корни, а ислам при этом является лишь формой политической идеологии определенных социальных сил, входящих в глубокий социальный конфликт. В разделе о сельском хозяйстве Узбекистана мы указали на дуалистический характер развития этого сектора экономики. Теперь

необходимо отметить, что "негосударственная" часть узбекской деревни организована на территории рес-публики по-разному:

- на громадном пространстве от Карши до Нукуса, от Бухары до Ташкента вне колхозов и совхозов остается немного орошаемых плодородных земель. Однако и плотность населения здесь относительно невелика, и люди имеют возможность получения участков в личное пользование при увеличении численности семьи. Домашнее хозяйство в этих условиях быстро приобретает индивидуальный характер. Значительная часть продуктов поступает на местные рынки, люди вовлекаются в интенсивную торговую деятельность;

- совершенно иначе обстоит дело в Ферганской долине. Это наиболее плодородный район Узбекистана, обладающий глубокими традициями по выращиванию различных сельскохозяйственных культур. Здесь самая большая в Узбекистане, а может быть, и во всей Средней Азии плотность населения. Свободные земли здесь практически отсутствуют. Противоречия между государственным и негосударственным секторами сельского хозяйства именно в Ферганской долине доведены до предела. "Взрывающееся" по численности население ютится на маленьких клочках земли, которые уже невозможно поделить. Разросшиеся семьи, включающие в себя людей нескольких поколений зрелого возраста, ведут на шестивосьми сотках примитивное, основанное на ручном труде хозяйство. Других источников существования у них нет. Весь их жизненный уклад освящается традициями.

Именно здесь ислам выполняет функции не просто религии, а представляет собой свод жестко соблюдаемых норм поведения. Именно здесь, а не в исламских центрах еще недавнего прошлого - Бухаре и Самарканде - любое проявление социального недовольства, возмущения и протеста будет облечено исключительно в форму религиозного движения.

По существу, никакого фундаментализма и тем более ваххабизма ни в Узбекистане, ни в Таджикистане нет. Просто задыхающаяся в тисках минифундизма деревня из своей среды выдвигает собственных идеологов. Ими как раз становятся низшие слои сельского духовенства, с собственным мировоззрением и способом излагать требования. С легкой руки прессы эти люди получили название "ваххабитов" по аналогии с одним из реформационных движений в исламе, которое выступало за "очищение" ислама от позднейших наслоений.

Подобно ваххабитам в прошлом, современные поборники интересов "традиционалистской" узбекской деревни выступают против культа мусульманских святых, дорогостоящих традиционных обрядов. По их мнению, основой истинного "исламского пути" являются принципы, существовавшие в мусульманской общине при ее основателе - пророке Мухаммеде и четырех праведных халифах. Прежде всего необходимо следовать принципам единобожия (таухида), отказаться от почитания так называемых мусульманских святых, а также "священных" камней, деревьев и источников, культ которых издавна получил широкое распространение

в Средней Азии. Важнейшим постулатом, который следует из принципа единобожия, является то, что истинный мусульманин должен следовать только законам, установленным самим Аллахом и изложенным в Коране. Подчинение светским законам часто объявляется одной из наихудших форм язычества, многобожия, гораздо более греховной, нежели поклонение "святым местам".

В Намангане 3-4 августа 1990 года прошло заседание трех тысяч представителей мусульманских общин из Узбекистана, Таджикистана, Киргизии и Казахстана. На нем была образована инициативная группа (15 человек) по созданию Исламской Партии Возрождения. Основные организационные структуры партии находятся в селах, но есть они и в городах Ферганской долины, и в столице Узбекистана. Каждая ячейка возглавляется, как правило, одним человеком, который опирается на группу сподвижников (или совет). Обычно руководителями фундаменталистов являются люди от 25 до 45 лет, рядовыми членами - от 16 до 25 лет (зачастую, это младшие сыновья в многодетных и незнатных семьях). В среде фундаменталистов складываются принципиально новые, нетрадиционные отношения: человека ценят не за возраст и знатность (как в среднеазиатском обществе в целом), а за набожность и активность. Последнее обстоятельство, по мере распространения фундаменталистских идей и организационных структур, может иметь большое значение.

Партия ведет свою деятельность в двух направлениях: пропаганда законов, предписаний ислама, из-

дательская работа; деятельность, осуществляемая через традиционные церковные учреждения. По словам Мухаммада Шарифа Химматзода, председателя ИПВ, "Пришла пора вернуть мечетям их бывшее значение... Ислам - это религия. Ислам - это государство. Он существует не для того, чтобы только призывать людей к молитве. Ислам должен активно вмешиваться во все сферы жизни, политики, экономики и т.д.". Численность ИПВ Узбекистана оценивается в 50 тысяч человек, ее влияние особенно сильно в зонах наибольшей плотности населения и преобладания минифундизма, в Таджикистане и Восточном Узбекистане. До сих пор узбекские власти отказывают партии в регистрации.

Однако сила возможного гражданского движения с ярко выраженными религиозными установками покоится не в структурах ИПВ, ее влияние как раз не стоит преувеличивать, а в той социальной организации, которую сохранила узбекская "традиционная" деревня с древнейших времен. Община (махалля) в течение многих веков регламентировала жизнь людей в Средней Азии. До сих пор она представляет собой социальный механизм, регенерирующий и регулирующий "свой", "восточный" образ жизни. Это - основная клетка общественного организма, трансформировавшаяся и приспособившаяся к постоянно меняющимся условиям. Со дня рождения и до самой смерти (и даже после нее) таджика, узбека, туркмена, казаха, киргиза и каракалпакка, как и многих других среднеазиатских жителей, сопровождает система исторически сложившихся

традиций и обычаев. Семья, живущая в махалле, должна ежегодно выполнять от 14 до 23 этноконфессиональных обрядов и ритуалов. Как отдельный индивидуум, так и его окружение оказываются "погруженными" в сеть регулирующих и управленческих нормативов, которая до мельчайших деталей охватывает все социальные связи и отношения, вплоть до семейных, интимных сфер бытия. Она формирует образ жизни, определяет психологию и привычки людей. Даже при многократных попытках властей внедрить новые обряды и ритуалы, они лишь соседствуют или совмещаются с традиционно сложившимися, но отнюдь не устраняют последние.

Махалля определяла также испокон веков всю духовную жизнь среднеазиатского общества. Безусловно, всеохватывающей идеологией его был ислам. Почему собственно исламу на Среднем Востоке удалось укрепиться, вытеснить прежние верования людей, а не буддизму, зороастризму и христианству, обладавшим уже к моменту появления в регионе арабов со своей верой многовековой историей, развитым богословием, подготовленными кадрами духовенства? Ислам победил благодаря тому, что он наиболее адекватным образом соответствовал сложившемуся социальному порядку восточного общества, имевшему ярко выраженный общинный характер. Он силен не обрядностью, в отличие от христианства, не глубиной внутреннего самопогружения и самосозерцания, характерного для буддизма, не мощью поклонения внешнему символу - огню, присутствующего зороастризму, а своей спо-

способностью регламентировать все стороны жизни индивидуума и его окружения.

Среднеазиатская махалля интегрирует людей в единый организм, обуславливает каждодневное непосредственное соприкосновение людей друг с другом, создает сосуществование поколений - пожилых и молодых, их взаимное "врастание". Молодые люди усваивают опыт старших через определенные нормы ислама, воспринимают их автоматически, не переосмысливая, в виде традиционных образцов деятельности. Среда не дает готовые, развернутые формулировки норм, которых следует придерживаться, но воспитывает отношение к ним как к нравственным, заслуживающим уважение, одобряемым. Нормы ислама, которые тесно вплетены в жизненные представления человека, привлекают его прежде всего тем, что выступают в значении ценностных символов. Застывая в привычных стереотипах поведения, они выступают как моральные ориентиры для нравственного сознания и занимают прочное место в мышлении, и особенно в эмоциональной жизни личности, с трудом поддаваясь изменениям. Кроме того, человек зачастую показывает себя приверженцем религии не потому, что является таковым, а потому, что вынужден считаться с мнением окружающих, не желает противопоставлять себя окружающей среде.

Махалля сегодня изменилась внешне, на первый взгляд ее жители не связаны между собой. Махалля составляет каун (приход) мечети - неофициальной или официальной. В настоящее время в

каждой махалле строится своя мечеть, это происходит порой посредством просто выхода мечети из подполья. Ныне возникают условия появления симбиоза управленческих структур махалли и мечети. Данное явление должно находиться под пристальным вниманием, поскольку последствия такого симбиоза в политическом плане могут быть огромны. На Среднем Востоке в прошлом имела место традиция соединения светской и духовной власти. Объединение на местах махалли и мечети способно обеспечить контроль над всей жизнью региона, когда прежние и новые светские структуры власти полностью бессильны.

Сегодня нижним звеном политической системы в Узбекистане, органом самоуправления объявлены сходы граждан махалля. Казалось бы, нет ничего предосудительного в том, что власти отдают дань традициям при совершенствовании своей управленческой структуры. Некоторые горячие головы договорились даже о "махаллизации" всего Узбекистана. Совершенно серьезно хоким Наманганской области призывает добиваться, чтобы повсеместно нашла претворение в жизнь идея "махалля - это твоя Родина, твои отец и мать". Однако мы имеем дело не с архаизмом, а с реально существующим социальным институтом, который по сей день регулирует и направляет жизни сотен тысяч людей, прежде всего именно в Ферганской долине. Одно дело отдать дань национальным традициям, другое - стимулировать развитие и без того влиятельного организма. Опыт Таджикистана показывает, что возрождение традиционных механиз-

мов социального регулирования (махалля), соединение их с легализовавшейся мечетью, - все это может создать такой симбиоз, при котором светские институты власти утрачивают силу. Сегодня в зоне преобладания традиционной деревни заигрывание узбекского руководства с махаллей может привести к серьезным политическим последствиям. Здесь налицо громадный политический риск, допускающий при определенных обстоятельствах "выброс" социальной разрушительной энергии, способной оказаться полностью неуправляемой.

Это опасность, о которой мы можем пока, к счастью, говорить лишь теоретически. Однако есть и симптомы реализации ее в практической жизни. Мы имеем в виду феномен организации "Адолат" (Справедливость). В августе-сентябре 1991 года в Узбекистане сначала в Наманганской, а затем в Андижанской и Ферганской областях начали формироваться группы "Адолат", представляющие собой объединения молодежи на уровне махаллей (общин) для борьбы с правонарушениями, преступностью и аморальными, с точки зрения норм шариата, поступками. Эти группы, входившие в структуру мусульманского самоуправления, изучали приемы самообороны. Группы "Адолат" хорошо дисциплинированы, включают в себя бывших солдат-десантников (в том числе узбеков, воевавших в Афганистане), лиц, увлекающихся карате и другими видами восточных единоборств. Каждый из отрядов имеет руководителя (амира). Руководит деятельностью отрядов совет, в который входят уважаемые

старики-аксакалы и представители местного духовенства. В среднем такая группа объединяет 100-200 человек, но в случае необходимости может быть мобилизовано и больше мужчин из данной махалля. Ядро отряда обычно составляют 15-20 наиболее подготовленных физически молодых людей (иногда их называют "группой захвата").

Всего на начало 1992 года в восточном Узбекистане насчитывалось свыше 60 таких отрядов. Адолатовцы осуществляли патрулирование улиц, ловили воров (иногда передавали их затем милиции, а иногда воздействовали традиционными способами - например, привязывали пойманных у мечети на всеобщее обозрение с надписью "вор"). Разрешали они также мелкие бытовые конфликты между членами общины, оказывали материальную и иную помощь соседям.

Адолатовцы отстаивают один из ключевых принципов фундаментализма, согласно которому справедливое мусульманское общество можно построить только путем предоставления равных возможностей для образования и восхождения по социальной лестнице всем мусульманам, независимо от происхождения. Важным инструментом поддержания равенства в будущем обществе при сохранении материального неравенства может стать налог - закят, при помощи которого должна перераспределяться часть общественного богатства. Закят уже введен во многих районах Ферганской долины: 1/10 прибыли взимается с частных лиц, независимо от того, является ли тот или иной человек сторонником фундаменталистских организаций.

Часть средств идет действительно на раздачу неимущим слоям, другая - становится источником финансирования создания политических структур (которые вполне способны взять на себя функции исполнительной власти). В конце 1991 года "Адолат" организовал в Намангане массовые митинги и добился приезда Ислама Каримова, которому были вручены их требования. В итоге руководителям исламского самоуправления в этом городе удалось добиться передачи им под штаб-квартиру старого здания горкома Компартии Узбекистана, а бывший обком партии, по их требованию, передали клинике для женщин (и работать врачами в нее, в соответствии с требованиями шариата, берут только женщин).

Деятельность отрядов "Адолат" вызвала серьезную озабоченность властей. Против этой структуры был косвенно направлен закон, запрещающий деятельность частных сыскных агентств на территории Узбекистана. Разгрому подверглась наманганская самодеятельная организация по охране общественного порядка "Адолат". Проведены аресты ее активистов, а также членов Партии Исламского Возрождения. Первая волна арестов прошла 17 марта, вторая - в конце апреля 1992 года. Власти инкриминировали арестованным нарушения закона, самосуд и насилие над гражданами, чинимые под видом борьбы с преступностью.

Весьма настороженно власти отнеслись также к появлению в начале 1990 года группы молодых людей в Ташкенте, именующих себя организацией "Хезболлах" (партия Аллаха). По разным сведени-

ям, в нее входило от 50 до 300 человек. Своей целью организация декларировала возвращение Узбекистана к законам шариата, укрепление моральных устоев узбекской нации. Члены "Хезболлах" принимали участие в различных митингах оппозиции в республике, например, в массовых похоронах солдат - узбеков, погибших во время службы в Советской Армии. По Ташкенту распространялись слухи, будто члены этой организации на улицах города оскорбляли девушек-узбечек, одетых по-европейски. "Хезболлах" не пошел на регистрацию и находится практически в глубоком подполье. Следует отметить, что в отличие от ИПВ и "Адолата" у "Хезболлаха" нет реальной социальной базы.

Руководство Узбекистана понимает всю серьезность угрозы со стороны "фундаменталистского фактора", осознает недостаточность одних только репрессивных мер. Власти предприняли попытку в долгосрочной перспективе "размыть" ту социальную структуру, которая при определенных условиях способна порождать организации "фундаменталистского" толка. Именно в этой связи НДПУ, стремясь укрепить свою социальную базу, приступила к разработке курса на сближение с массами посредством постепенного, но весьма интенсивного внедрения в структуры махаллинских (квартальных) комитетов. Как известно, Компартия традиционно строила свою деятельность по производственному принципу. Новый курс партии - явление неординарное, и направленное, по всей видимости, на недопущение чрезмерного усиления ислама в терри-

ториальных образованиях. С этой целью в прессе пропагандируется "опыт" нового партийно-махаллинского симбиоза как гаранта светского пути развития республики. Однако этих политических маневров будет явно недостаточно. Усиление "фундаменталистской" угрозы привело к пересмотру различными политическими силами своих в целом сложившихся установок. Обнаружилось противоречие между организациями, ориентированными в политическом плане на ислам, и силами, придерживавшимися светских форм мышления. Это обстоятельство создает определенную "сбивку" внутри складывающейся политической системы. Соперничающие между собой НДПУ, "Бирлик", "Эрк", президентские структуры в вопросе политизации ислама превращаются в союзников.

Так, председатель ДП "Эрк" М.Салих высказался против политизации ислама, заявив, что ислам выше всякой политики и его назначение - формирование души и нравственное очищение. Усиление формирований "фундаменталистской направленности" привело бы не только к "перераспределению портфелей" в кабинетах власти. Это чревато радикальным переворотом, победой "традиционалистской" деревни и ее выдвигенцев, устранение сформировавшейся в течение десятилетий национальной, светскомыслящей элиты, перестройкой всего строя общественной жизни. Безусловно, такой переворот не мог бы осуществиться без громадных социальных катаклизмов, пролития крови.

Следует отметить, что после обретения независимости по иному

повело себя и официальное узбекское духовенство. Еще совсем недавно оно выступало против вмешательства религиозной общины в политику: ислам сам по себе уже есть партия - партия Аллаха. Однако активность деятельности духовенства стала нарастать, его выступления стали приобретать наступательный характер. Это выразилось не только в росте количества открывающихся мечетей. Весной 1992 года в звуковом ландшафте Ташкента появились новые черты - усиленные динамиками пятикратные (начиная с 5 часов утра) призывы муэдзинов к молитве. Импульсом для активизации духовенства стал, безусловно, прошедший в феврале 1992 года Курултай (съезд) мусульман Средней Азии. В принятом постановлении содержались положения, свидетельствующие о политизации исламского духовенства:

- "необходимо вести религиозное воспитание как в детских садах, так и во всех учебных заведениях";

- "обратиться к правительству с предложениями о создании специальных каналов на радио и телевидении";

- "незамедлительно установить дипломатические отношения со всеми Исламскими странами... Впредь республики Мовароуннахра должны свою внутреннюю и внешнюю политику согласовывать с Духовным управлением - выразителем интересов и воли мусульман региона".

Под влиянием всего этого и муфтий Узбекистана Мухаммад Садык переступил им же самим очерченную ранее черту невмешательства в политику. Муфтий заговорил о неприемлемости так назы-

ваемой "турецкой модели развития", о необходимости включения религиозного обучения в школах республики и введения раздельного обучения мальчиков и девочек. Принятие такого рода требований объективно означало бы обретение государством атрибутов исламской республики.

Изменение позиции официального духовенства, как и усиление фундаменталистских групп, вызвали реакцию политического руководства республики: наряду с продолжением символических шагов в сторону ислама - объявлением новых выходных дней во время празднования Навруза и Руза Хайит - правительство сокращает возможность выступлений представителей духовенства по телевидению; уменьшаются ассигнования из государственных фондов на строительство и реставрацию культовых учреждений. Причем делается это косвенным образом, в форме разноса хокимов, устроенного президентом в Сурхандарьинской области (наиболее близкой в географическом отношении к Афганистану). И.Каримов подчеркнул, что в регионе продолжают нарастать экономические трудности, и в то же время одна за другой возводятся новые мечети (уже зарегистрировано 46 и готовятся к этому еще 181). Хокимы, игнорируя свои прямые обязанности, "предпочитают удовлетворять свои личные амбиции", забывая о делах на благо народа и поощряя возведение лишь культовых учреждений. Президент без обиняков предложил им: "либо выполняйте свои прямые обязанности хокимов, либо наворачивайте на голову чалму и служите в мечетях имамами".

Власти в отношении духовенства повели себя также, как и со светской оппозицией, привлекая одних и, по возможности, исключая других из общественной жизни. В этом ключе следует рассматривать назначение впервые на должность председателя Государственного комитета по делам религии выдвиженца не из правящей партии, а из Духовного управления мусульман - Г.Абдуллаева, работавшего ранее советником муфтия. Однако ни репрессивные акции правительства, ни политические маневры не в состоянии будут сами по себе привести к ликвидации угрозы наступления "фундаменталистских" сил. Пока не будут подорваны основы традиционной узбекской деревни, минифундизма в Ферганской долине, потенциальная угроза "взрыва" в Узбекистане будет сохраняться. Как ни парадоксально, ключ к разрешению острейших противоречий находится не в притеснении деревни, не в административном нажиме на традиционное общество, а в создании условий ее форсированного развития: там, где только возможно, необходимо раздать земли.

У некоторых экспертов в этой связи возникают опасения, что всех в этом случае государство не сможет обеспечить землей, а традиционалистское крестьянство, став собственником, выйдет из-под контроля властей. Нам же представляется, что с обретением земли пойдет процесс внутреннего разложения минифундизма. Развитие рыночных отношений сметет полунатуральный тип хозяйствования. Если параллельно будут внедряться в сознание людей преимущества различных других ви-

дов труда, кроме сельского, то можно ожидать трансформацию традиционалистской деревни. Здесь, видимо, крайне полезен будет опыт стран Ближнего и Среднего Востока, зон с большой плотностью населения и высоким уровнем рождаемости. Только в этом случае ислам в Ферганской долине станет тем же, чем он является сегодня для подавляющего числа жителей других районов Узбекистана, - религией, основой построения культурной и духовной жизни, и не будет угрожать трансформироваться в политическую идеологию, направленную на радикальные изменения всей общественной жизни республики, на превращение ее в религиозное государство по типу Афганистана и Ирана.

Данная задача требует жесткого государственного регулирования, поскольку речь идет не только о глубокой экономической реформе, но и о постепенном сбалансировании различных стилей жизни, социокультурных ориентаций и предпочтений сотен тысяч людей. Если государству не удастся контролировать этот меняющийся баланс, социальные потрясения в Узбекистане будут неизбежны уже в самом ближайшем будущем. Безусловно, это очень трудная задача еще и потому, что Узбекистан - мусульманская страна, возвращающаяся к своим истокам. Здесь необходимо учесть ту тонкую грань, где рост естественного интереса к религии и духовному наследию переходит в концепцию, претендующую на право регламентировать все без исключения стороны общественной жизни. Должно, по видимому, пройти несколько деся-

тилетий, пока будет достигнут действительный баланс между религиозным и светским началом бытия в Узбекистане. Пока же лишь государственное регулирование способно предотвратить социальные потрясения, где ислам используется отдельными группировками в качестве политической идеологии.

Здесь элите республики необходимо учитывать факторы, составляющие современную противоречивую реальность Узбекистана, например, возможные последствия массового исхода русскоязычного населения. Нередко можно слышать от высокопоставленных деятелей республики весьма легковесные рассуждения: пускай, мол, уходят, дефицит рабочей силы можно будет восполнить за счет ввоза в республику еще более дешевой из Вьетнама. Между тем, русскоязычное население не только трудится, но и в течение десятилетий придало определенный социокультурный колорит многим промышленным городам Узбекистана. С его уходом возникнет вакуум, пустота в культурно-эксцентричном пространстве, которую может заполнить лишь одно - ислам. Если современная, светски воспитанная и мыслящая элита Узбекистана хочет сохранить свои господствующие позиции, она должна стремиться к сохранению существующего социокультурного баланса. Допущение исхода русскоязычного населения для нее самоубийственно, ибо вольно или невольно оно оставляет своим политическим оппонентам пространство для развития и укрепления.

Внешнеполитический курс Узбекистана

Именно наличие "фундаменталистской" угрозы, осознание возможных последствий правящей элитой как для самой себя, так и для всего Узбекистана в целом, определяет основные направления внешней политики республики, ее место в новой складывающейся геополитической ситуации в Центральной Азии. Узбекистан выражает готовность установить тесные экономические контакты, сотрудничать практически со всеми странами Ближнего и Среднего Востока. Однако приоритеты в его политике уже четко просматриваются: Турция, Египет, т.е. страны, "решительно отвергающие всякие проявления экстремизма и фанатизма в исламе", исповедующие идеологию светского пути развития. С Ираном, Саудовской Аравией, Пакистаном установлены прямые контакты, подписаны соглашения об экономическом соглашении, от них приняты кредиты, однако отношение к ним весьма прохладное. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что визит Каримова в Саудовскую Аравию, по итогам которого опубликовано скромное коммюнике, а ранее визит парламентской делегации в Иран, были в корне отличны от контактов с турецкими кругами, особенно от той помпы, с которой был встречен в Ташкенте премьер-министр Демирель.

Узбекистан, как нам представляется, может явиться одним из звеньев в той цепи стран, которые весьма жестко и различными средствами будут препятствовать дальнейшему процессу исламиза-

ции евроазиатского континента. В этом же контексте следует рассматривать взаимоотношения Узбекистана с Таджикистаном. И.Каримов в интервью газете российских деловых кругов "Век" обратил внимание на то, что вакуум власти, образовавшийся в соседней республике, на руку прежде всего казиколону - высшему духовному лицу, который "даже чалму не носит, чтобы выглядеть демократом". Угроза постепенного превращения Таджикистана в исламское государство, по мнению президента Узбекистана, весьма велика, и те, кто преуменьшает ее, не видят дальше собственного носа или преследуют собственные политические цели. Происходящее в Таджикистане не может не беспокоить узбекское руководство по следующим причинам:

- в случае победы в Таджикистане "фундаменталистских" сил многократно возрастет возможность радикализации установок исламских группировок в Ферганской долине. Хотя, повторяем, это - прежде всего внутренний процесс. Наличие рядом громадного пространства, откуда может поступать помощь, финансовая, военная и т.д. может играть также колоссальную роль;

- в случае установления в Таджикистане исламской диктатуры неизбежно обострится вопрос о Самарканде и Бухаре, которые таджики считают, и не без оснований, своей исторической родиной. Не случайно, к примеру, беженцев - таджиков на узбекской территории сегодня принимают достаточно своеобразно - гостеприимно, с выдачей материального пособия, с

предоставлением работы, но без права прописки;

- сегодня режиму И.Каримова в известной мере удалось сбить радикализм гражданского движения таджиков в Самарканде и Бухаре. С одной стороны, этому способствовала война в Таджикистане, которая своей жесткостью, кровопролитием, тысячами беженцев поубавила пыл у лидеров движения "Самарканд". По сравнению с ужасами гражданской войны в соседней республике, жизнь в мирном Узбекистане, даже в условиях жесткого экономического кризиса, кажется раем. Но главное, видимо, состоит в гибкой политике И.Каримова. В течение последних месяцев в ходе перестройки структур местной власти он изменил в расстановке кадров прежнее соотношение по национальному составу, обеспечивавшее прежде практически монопольный контроль узбеков над процессом принятия решений (было соотношение 10 к 1 в пользу узбеков). Теперь открылись места в системе городского самоуправления для таджикской элиты, и она ушла сюда, меняя свой радикализм на право участия во властных структурах и открывшиеся возможности делать деньги. Несколько наиболее несговорчивых оппозиционеров режим подверг репрессиям, и теперь они либо в глубоком подполье, либо практически под домашним арестом.

Вообще "таджикская проблема" перед узбекской элитой в ближайшие годы будет представать в самых различных ракурсах. Кроме указанных религиозного, пограничного, внутреннего "самаркандско-бухарского", следует обозначить еще два: внутриэтнический и куль-

турологический. Шесть прилегающих к Узбекистану провинций Афганистана населены в основном узбеками. За последние полтора десятилетия там возникли и укрепились во всех отношениях собственные управленческие структуры, возглавляемые генералом Дустумом. Нельзя исключать того, что при определенных обстоятельствах здесь будет провозглашена автономия. Более того, в исторической перспективе проблема "двух Узбекистанов", их объединения неизбежно встанет на повестку дня. Это чревато серьезными региональными коллизиями, а также сложнейшими дилеммами внутри самой узбекской нации.

Сегодня продолжает обсуждаться вопрос о принятии нового алфавита. Одни, в том числе исламские круги, предлагают остановиться на арабской графике. Другие, опасаящиеся "фундаменталистского" влияния, ратуют за введение латиницы, тем самым утверждая светский или, как они говорят, "турецкий путь" развития. Власть проявляет мудрость, не делая поспешных решений. Если Узбекистан откажется от арабской графики, он тем самым "отрубит" себя от того исторического наследия, которое узбеки считают основой своей духовной культуры. Если же будет принят арабский алфавит, то наряду с возможной фундаменталистской угрозой, многократно усилится узбеко-таджикское взаимопроникновение, последствия которого сегодня даже трудно представить.

Возвращаясь к рассмотрению проблемы возможной фундаменталистской угрозы, мы должны подчеркнуть, что в случае ее на-

растания Узбекистан, его элита не будут располагать ни материальными, ни военными ресурсами для противостояния. Единственно, кто может реально помочь, это Россия. И это, вероятно, на сегодня главный фактор, определяющий курс Узбекистана. Нестабильность внутри сопредельных Афганистана и Таджикистана угрожает относительной внутривнутриполитической стабильности в Узбекистане, а исламский политический радикализм грозит своим проникновением и в Узбекистан. Защитой от такого развития событий становится установление мощного военного заслона на границах Узбекистана (особенно с Афганистаном). Этим и объясняется удивительная быстрота и взаимная сговорчивость сторон на Ташкентской встрече лидеров стран-участниц СНГ при подписании договора о коллективной безопасности. Однако президенту Каримову показалось недостаточно и этого соглашения, поэтому при подписании договора о коллективной безопасности было заключено двустороннее соглашение с Россией, которое, по-видимому, должно окончательно снять опасения за обороноспособность Узбекистана.

В подписанном соглашении рассматриваются, конечно, и вопросы экономического сотрудничества. Однако ключевыми явились четкие договоренности о статусе войсковых соединений (особенно офицерского состава) на территории Узбекистана и взаимные обязательства по военно-политическим вопросам. "В Узбекистане, - сказал президент И.Каримов: не может получить поддержку фундаментализм... . Россия - гарант безопасности и неделимости гра-

ниц в среднеазиатском регионе, поэтому без нее Узбекистану не прожить. В России республика видит сегодня единственного партнера, который хотя и преследует в регионе свои интересы, все-таки представляет собой меньшее зло, нежели фундаменталистские режимы Ирана или Афганистана. Как президент Узбекистана я не мыслю будущее Узбекистана без России. Нет силы, которая разорвала бы наши отношения". Не ограничиваясь заявлениями, Каримов инициировал решение стран СНГ о вводе миротворческих сил в Таджикистан. Одновременно с этим предпринимаются шаги по оказанию гуманитарной помощи районам, пострадавшим от гражданской войны. Лидер Узбекистана старается поддержать необходимый тонус взаимоотношений с таджикским руководством и в то же время не допустить широкомасштабного нашествия беженцев в свою республику.

Указанные нами выше экономические трудности не являются решающими для узбекского руководства, оно понимает, что сельское хозяйство республики способно не допустить голода и социальных потрясений, возникающих в результате экономических неурядиц. "Фундаменталистский" же фактор делает узбекскую элиту готовой на серьезные шаги в области политической интеграции с Россией. И так будет в ближайшее десятилетие.

Выводы

1. Республика находится в зоне эпицентра продолжающегося в среднеазиатском регионе демо-

графического "взрыва". Ежегодно население республики увеличивается в среднем на 450-550 тыс. человек. Это может объяснить развитие в будущем таких негативных явлений, как снижение уровня потребления, рост безработицы или случаев неполной занятости, усиление экономического давления на трудоспособную часть населения (особенно людей после 30 лет, поскольку их семьи чаще всего превращаются в многодетные, а материальная обеспеченность падает). Уже сегодня республика по плотности населения разделена на две зоны - территория западнее и северо-западнее Ташкента, где при наличии еще достаточного количества свободных необработанных земель люди более или менее быстро находят "выход" в форме обретения нового жизненного пространства, и Ферганская долина Узбекистана, где все "средние" показатели приобретают сразу иное значение, ибо ресурсы - земельные, водные и т.д. - не дают обществу возможностей прежнего, "экстенсивного" развития.

2. Чтобы удовлетворить потребность быстро растущего населения в основных видах сельскохозяйственной продукции по сравнению с 1992 годом, производство картофеля должно возрасти в 4,6 раза, мяса - в 9, молока в 9,2 и яиц - в 4,6 раза. Без радикальных изменений структуры сельскохозяйственного производства нельзя будет обеспечить стабильное, адекватное нуждам населения республики развитие сельского хозяйства. Здесь заложена основа для сохранения зависимости республики от России и отчасти Ка-

захстана на достаточно длительную перспективу.

3. Республика в настоящее время свёрхориентирована на производство монокультуры - хлопчатника, с одной стороны, явно не находящей спроса своему основному богатству на мировом рынке; с другой, - неспособной за короткий срок перепрофилироваться, поскольку нужно кардинально реорганизовать значительную часть своей экономики. Однако быстрая ломка означала бы экономический спад, кроме того, подобный шаг едва ли был бы технически осуществим. При этом необходимо представлять динамику развития хлопководства: Узбекистан, в отличие от предшествующего исторического периода, будет не увеличивать, а, наоборот, сокращать объем производства хлопка, пока деформация структуры сельского хозяйства не будет преодолена и не будет найден оптимальный показатель реальной потребности узбекского хлопка на мировом рынке.

4. Республика должна осуществить в ближайшем будущем радикальную реформу своего сельского хозяйства. Социальная стабильность в узбекском обществе в ближайшее десятилетие будет зависеть от того, удастся ли руководству республики удержать под контролем процесс увеличения частнособственнического сектора сельского хозяйства, от его готовности жертвовать частью государственных угодий в пользу последнего. Вокруг этого, несомненно, развернется ожесточенная борьба между двумя секторами сельского хозяйства, которая будет выплескиваться в различных формах в сферу политики. В принципе от ли-

квидации дисбаланса между частным и государственным секторами в сельском хозяйстве Узбекистана будет зависеть политическая стабильность республики.

5. Республике в ближайшее десятилетие потребуется сильная централизованная власть для преодоления "отчужденности" национальной промышленности от интересов остального общества. Это необходимо, чтобы удержать в большинстве своем узбекский по своему этническому составу научный и технический персонал на производстве, и вместе с тем, не допустить его к собственности. Без жесткого государственного регулирования экономических и социальных процессов никакой стабильности быть не может. Однако здесь постепенно закладывается одно очень серьезное противоречие: государство, стремясь не допустить захвата собственности русскими и русскоязычными, работавшими в промышленности, пошло по пути медленной приватизации, что оправдано для укрепления национального государства. Вместе с тем, в ходе этой приватизационной политики произошло укрепление позиции государственной, бывшей партийно-номенклатурной бюрократии, превратившейся в национально-государственную. Перед Узбекистаном стоит сложнейшая задача модернизации экономики, немыслимая без глубокой реформы государственного управления. Если не произойдет значительного разгосударствления промышленного сектора, если все прибывающему по численности городскому узбекскому населению не дать работы, отвечающей национальному менталитету, а это

возможно лишь при быстром развитии мелкотоварного частного производства на основе новейшей технологии, Узбекистану не избежать серьезных социальных катаклизмов.

6. В республике сформировался режим сильной президентской власти, имеющей достаточно ярко выраженный авторитарный характер, что является закономерным результатом в условиях еще не достаточно развитого гражданского общества, когда во имя преодоления серьезных экономических и социальных диспропорций власть вынуждена идти на жесткие меры. Вся так называемая светская оппозиция, прежде всего "Бирлик" и "Эрк", представляют собой звенья поднимавшегося национального движения. Однако процесс консолидации нации пошел по другим каналам. Национальное движение в этой связи потеряло не только свою социальную базу, но и всякий смысл, по крайней мере в ближайшей перспективе.

7. Режим сильной президентской власти обеспечивает практически всем частям узбекской элиты условия для перехода к рыночным отношениям с учетом их интересов, и они имеют право делать деньги за выражение лояльности существующей власти. В то же время правительство проводит политику социального маневрирования, обеспечивающую поддержание уровня жизни малоимущих слоев населения. Все это создает режиму достаточно прочную социальную базу, наличие которой позволяет обеспечить относительную стабильность общества в обозримой перспективе.

8. Республика является многонациональной по своему составу. Однако обострение межнациональных отношений не может влечь здесь за собой напрямую серьезных политических катаклизмов: узбеки являются национальным большинством (около 85%), к тому же размещающимся более или менее равномерно по всей территории республики. Это означает, что проблемы межнациональных отношений не будут определяющими в динамике развития политических процессов. В ближайшее десятилетие отнюдь не исключается возникновение "русского", "татарского" или какого-либо другого "национального вопроса". Они подспудно существуют и будут поводом для серьезных коллизий политической системы, однако здесь они не в состоянии стать "эпицентром" напряженности. Двигатель в политической жизни следует искать в том, что происходит внутри узбекского общества. Указывая на то, что изменение этнодемографического состава республики не будет прямо способствовать политической дестабилизации положения, необходимо отметить одну серьезную угрозу долговременного характера. С уходом русских разрушается невидимая культурологическая сфера городского узбекского общества, возникает определенный духовный вакуум, который сегодня может быть заполнен лишь исламом.

9. Единственная угроза режиму в республике, да и миру в регионе, исходит из Ферганской долины, наиболее населенной, задыхающейся в тисках минифундизма. Здесь при обострении социальных конфликтов ислам способен

трансформироваться в политическую идеологию мощного движения. И хотя к "фундаменталистской" реорганизации узбекского общества не готовы остальные три четверти Узбекистана, именно тут заложено противоречие, которое может породить очаг колоссальной напряженности.

10. Правящая элита осознает опасность "исламского фактора". Вся внутренняя политика Узбекистана, а также его геополитические ориентации определяются именно осознанием "фундаменталистской угрозы".